

Военные
Приключения

КИШИНЕВСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

ВИТАЛИЙ ГЛАДКИЙ

Военные приключения

Виталий Гладкий

Кишиневское направление

«ВЕЧЕ»

2008

ББК 84(2)

Гладкий В. Д.

Кишиневское направление / В. Д. Гладкий — «ВЕЧЕ»,
2008 — (Военные приключения)

ISBN 978-5-4444-8120-2

1944 год. Советское командование готовится нанести сокрушительный удар по южной группировке фашистских войск. В тыл противника уходит разведгруппа старшего лейтенанта Маркелова. Но фронтовым разведчикам будет противостоять подразделение, которое возглавляет один из асов абвера – штандартенфюрер Рудольф Дитрих...

ББК 84(2)

ISBN 978-5-4444-8120-2

© Гладкий В. Д., 2008

© ВЕЧЕ, 2008

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	29
Отступление 1	35
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Виталий Дмитриевич Гладкий

Кишиневское направление

© Гладкий В.Д., 2008

© ООО «Издательский дом «Вече», 2008

* * *

Глава 1

Южный фронт

«Мерседес» тряхнуло на выбоине, и командующий группой армий «Южная Украина» генерал-оберст¹ Фердинанд Шёрнер недовольно поморщился. Водитель, увидев в зеркале заднего вида гримасу генерала, выехал на широкую обочину, где вдоль разбитого гусеницами танков тракта виднелась поросшая травой грунтовая дорога, по которой обычно ездили крестьянские повозки, доставляя фураж и провиант частям вермахта.

Машина пошла ровнее.

Генерал, заметив вопрошающий взгляд адъютанта, прикрыл глаза; даже здесь, в этой железной коробке, нужно скрывать свои мысли и чувства – эти свиньи из СД² вездесущи. Адъютант, майор Вальтер, сидел на переднем сидении с прямой спиной и непроницаемо-спокойным выражением лица. Интересно, узнать бы, о чем он думает.

А что если?..

Нет-нет, этот длинноногий щеголь, пожалуй, не относится к тайным осведомителям службы безопасности – чересчур многим обязан своему шефу. Не будь генерал-оберста, гнить бы теперь косточкам Вальтера в степях Украины, где майор служил в 40-м танковом корпусе, которым до начала 1944 года командовал Шёрнер.

Впрочем, в этом проклятом мире нельзя доверять никому, даже себе...

К железнодорожной станции они добрались уже в сумерках. Долгожданный эшелон с танками нового типа, которые их создатель назвал «королевскими тиграми»³, прибыл совсем недавно.

Конечно же Шёрнер ни в коей мере не обязан был лично присутствовать при выгрузке «королевских тигров», хотя они и являлись секретным оружием рейха, но он не смог сдержать в себе благоговейное желание насладиться совершенными формами тяжелых боевых машин, почуять запахи свежеекрашенной брони, разогретой смазки и бензина.

Завидев «мерседес» командующего в сопровождении двух бронетранспортеров, командир батальона быстро пошел навстречу машине.

– Господин генерал! Отдельный 503-й тяжелый танковый батальон прибыл в ваше распоряжение! Докладывает командир батальона оберст Ротенбургер!

– Отлично!

Шёрнер прошелся вдоль состава, разминая затекшие ноги. Оберст Ротенбургер почтительно сопровождал его.

– Надеюсь, в предстоящих боях вы оправдаете доверие фюрера. Хайль! – Шёрнер небрежно вскинул правую руку в нацистском приветствии.

– Хайль Гитлер! – рявкнул командир батальона.

– Не буду вам мешать. Командуйте...

¹ Генерал-полковник.

² СД (Sicherheitsdienst; нем.) – служба безопасности; вначале была внутривнутрипартийной службой безопасности НСДАП, позже стала службой безопасности рейхсфюрера СС. В 1939 году путем объединения Sicherheitspolizei (Sipo) и СД было создано Главное управление имперской безопасности (РСХА). Начальником СД был назначен Райнхард Гейдрих.

³ «Королевский тигр» – танк разработан на фирме «Хеншель» под руководством ее главного конструктора Эрвина Андерса и серийно выпускался с января 1944 года по май 1945 года. Его масса составляла 69,4 т., удельная мощность 10,08 л.с./т. Всего было выпущено 487 машин. Недостатки танка: ходовая часть сложная и недолговечная, механизм поворота – сложен и дорог. Бортовая передача – крайне ненадежна. Запас хода уступал советским танкам ИС на 25 %. Неудобное размещение боекомплекта (кроме ниши башни), чрезмерные габариты и большой вес танка не соответствовали его броневой защите и огневой мощи.

Шёрнер медленно пошел дальше мимо платформ, на которых высились прикрытые брезентом громады «королевских тигров».

– Приступить к разгрузке! – приказал оберст, и рокот танковых двигателей наполнил станцию.

«Королевские тигры»... Шёрнер лучше, чем кто-либо, был осведомлен об истинной боевой мощи этих великанов.

Его приятель Фердинанд Порше как-то в порыве откровенности назвал их «мертворожденными»: двигатель для такой махины слаб, а толщина бортовой брони, как у обычного «тигра». При сравнительно небольшой скорости, плохой маневренности и проходимости – отличная мишень для русской артиллерии. Уж кто-кто, а в этих вопросах Порше, конструкторское бюро которого участвовало в проектировании «королевского тигра», был осведомлен, пожалуй, лучше других.

Впрочем, возможно, Фердинанд просто брюзжал. После Сталинграда он вообще стал законченным брюзгой и нытиком. И у него мало что начало получаться. Но будем надеяться на лучшее.

«Gott mit uns...»⁴ – прошептал Шёрнер и заторопился к машине.

После ужина Шёрнер некоторое время музицировал – Вагнер, Бах, Бетховен... Рояль был старенький, плохо настроенный, но тем не менее генерал играл с воодушевлением, что раньше случалось довольно редко; пожалуй, лишь в благословенные времена победоносного похода на Францию.

А еще этот рояль чертовски напоминал ему другой, который стоял в гостиной фамильного особняка.

Ах, как давно это было...

Командующий группой армий «Южная Украина» решительно захлопнул крышку рояля, поднялся и подошел к портрету Гитлера в полный рост. Шёрнер попытался поймать ускользающий взгляд фюрера Великой Германии. Не получилось.

Тяжело вздохнул: неужели все нужно будет опять начинать сначала?! Но как бы там ни было, он будет драться за фатерлянд и фюрера до конца. До конца! С этой мыслью генерал-оберст и направился в свою спальню.

Утром он проснулся с тяжелой головой. «Только мигрени мне сейчас и не хватало!» – подумал в раздражении Шёрнер.

Генерал-оберст помассировал затылок, потер виски какой-то патентованной шведской жидкостью с преотвратным запахом, потянулся к буфету, где стояла бутылка отличного французского коньяка из старых запасов, но передумал – начинать день со спиртного было не в привычках генерала.

В штабе его уже ждали с нетерпением. Майор Вальтер, как всегда подтянутый и чересчур официальный в присутствии подчиненных генерала, протянул Шёрнеру пакет, весь оклеенный сургучными печатями.

На ходу вскрыв его, генерал пробежал первые строки бумаги с грифом «Совершенно секретно». И остановился, словно наткнулся на непреодолимую преграду возле входа в свой кабинет.

– Почему... почему меня не разбудили?! – с глухой яростью воскликнул Шёрнер, посмотрев на сопроводительный лист с грифом ОКХ⁵. – Почему, я вас спрашиваю?! – неожиданно подскочил он к первому заместителю начальника штаба полковнику фон Трота.

⁴ «Gott mit uns» («С нами Бог!») – боевой клич, девиз; с 1847 года был размещен на пряжках солдатских ремней прусской армии, с 1919 года – рейхсвера, с 1935 года – вермахта. Стал широко известен в годы Второй мировой войны.

⁵ ОКХ (Oberkommando des Heeres; нем.) – главнокомандование сухопутных сил вермахта с 1939 по 1945 год. ОКХ подчинялся ОКВ (Oberkommando der Wehrmacht; нем.) – верховному главнокомандованию вооруженных сил Германии.

Он временно исполнял обязанности начальника штаба до прибытия своего нового шефа, генерал-майора фон Грольмана, который вскоре должен был появиться в расположении группы армий «Южная Украина». Прежний его начальник, генерал-майор Венк, был отозван в распоряжение Генерального штаба сухопутных войск, где ему предстояло занять должность начальника оперативного отдела.

Шёрнер считал, что такую замену начальника штаба группы армий нельзя было назвать удачным решением. Венк был гораздо опытней фон Грольмана и хорошо знал обстановку на фронтах. Но приказ есть приказ, и Венка пришлось отпустить.

Фон Трота побледнел, метнул уничтожающий взгляд в сторону адъютанта командующего, но так ничего и не ответил, лишь виновато потупился. Его поразило выражение лица Шёрнера.

Не ожидая объяснений, генерал-oberст круто развернулся и исчез за дверью кабинета.

Примерно через полчаса Шёрнер вызвал к себе заместителя начальника штаба. Когда фон Трота вошел в кабинет, генерал с совершенно разбитым видом сидел в кресле, уставившись в окно, где за чисто отмытыми стеклами ярко голубело июльское небо.

Некоторое время Шёрнер молчал; затем, не глядя на начальника штаба, едва слышно произнес:

– Дайте... закурить.

Фон Трота опешил – командующий не курил; по крайней мере он никогда его не видел с сигаретой в руках. Сдерживая невольную дрожь в руках, заместитель начальника штаба щелкнул зажигалкой.

Шёрнер затянулся несколько раз, затем фыркнул словно рассерженный кот и выбросил сигарету через открытую форточку наружу.

– Вы только посмотрите...

Он вяло кивнул в сторону пакета, который почему-то лежал на полу.

– Нет, вы только посмотрите, что они делают! – вскричал генерал-oberст с трагическими нотками в голосе.

Фон Трота внимательно изучил содержимое пакета.

– Ну что вы на это скажете? – спросил Шёрнер.

Он вскочил, пнул кресло и забегал по кабинету.

– Я так не могу! У нас забирают двенадцать дивизий! Вы представляете, что это значит? Из них шесть танковых и одну моторизованную! – Генерал-oberст трясся от злости. – Шесть танковых дивизий! Им, видите ли, нужно залатать дыры на центральном участке фронта. А то, что русские готовят здесь наступление в ближайшие недели, может быть, дни, это Генеральный штаб не волнует.

Шёрнер подскочил к стене и в сердцах рванул серые матерчатые шторы, прикрывающие карту района боевых действий.

– Вот!

Он с такой силой ткнул пальцем в испещренную условными обозначениями бумагу, что едва не порвал карту.

– Плоешти! Если русские прорвут фронт, удар по Плоешти само собой разумеющееся дело. Что мы там сможем им противопоставить?

Шёрнер сжал правую руку в кулак, а затем распрямил три пальца.

– Вот! Всего лишь несколько гарнизонов на нефтеочистительных заводах, которые с большой натяжкой можно принять за одну боевую единицу, да в общей сложности пару пехотных дивизий в ключевых пунктах нефтяного района. Все! Один удар – и русские перережут фактически последнюю нефтеносную артерию рейха. А это катастрофа! Полная и безоговорочная.

Шёрнер медленно отошел к столу, сел. Фон Трота по-прежнему стоял перед ним навзничью.

– Да вы садитесь, – устало махнул рукой генерал-oberst. – Садитесь, – повторил он и надолго задумался.

– Простите, господин генерал... – немного помявшись, заместитель начальника штаба решил прервать затянувшуюся паузу. – Готовить приказ?.. – Он показал на пакет.

– Нет! – Шёрнер прихлопнул для большей убедительности ладонью по столу. – Я буду звонить... буду звонить фельдмаршалу Кейтелю! Я обязан доложить ему свои соображения на этот счет. Если уж и Кейтель меня не поймет...

Генерал некоторое время колебался и уже не таким уверенным тоном закончил:

– Если не поймет или не захочет понять, я вынужден буду обратиться к фюреру.

– Господин генерал! Я думаю, есть более подходящий вариант. И более действенный.

– Что вы предлагаете?

– Переговорить с маршалом Антонеску⁶. Объяснить ему ситуацию. Я думаю, что он очень даже заинтересован в присутствии этих двенадцати дивизий на оборонительных рубежах группы армий «Южная Украина».

– Вполне логично...

Шёрнер с неожиданно проснувшимся интересом посмотрел в сторону заместителя начальника штаба, который впервые проявил такие незаурядные дипломатические способности.

Впрочем, в этом не было ничего удивительного: после весьма хитроумных комбинаций фон Трота наконец удалось вырвать своего сына, капитана вермахта, из группы армий «Центр», где шли тяжелейшие сражения, и пристроить его в штабе восьмой немецкой армии, которая входила в армейскую группу «Вёлер».

– Майор Вальтер! – позвал Шёрнер своего адъютанта. – Соедините меня с Антонеску.

Адъютант отсутствовал довольно длительное время. Когда он появился в кабинете командующего, его лицо было немного виноватым.

– Господин генерал! Маршал Антонеску в данный момент у короля Михая⁷.

– Schaise!..⁸ – Генерал выругался. – Звоните королю!

– Но, господин генерал, как мне объяснили, король сейчас в своей загородной резиденции...

– И чем они там занимаются эти... мамалыжники, черт бы их побрал?!

– Охотятся.

– Охотятся?! – переспросил Шёрнер. – В такое время?! Когда на карту поставлены корона короля Михая и маршальский жезл Антонеску с его головой впридачу?! Нет, я отказываюсь понимать этих, с позволения сказать, союзников...

Шёрнер с возмущением смотрел на майора Вальтера, словно тот был инициатором охотничьих забав Антонеску.

– Позвоните в нашу военно-воздушную миссию в Бухаресте, – приказал он резким тоном.

– Генерал Герстенберг на проводе, – спустя три минуты доложил майор Вальтер.

– Алло! Господин генерал, требуется ваша помощь. Да-да! Мне нужен Антонеску. Срочно! Да... Он в загородной резиденции короля...

Шёрнер в двух словах объяснил суть дела.

⁶ Антонеску Ион (1882–1946) – румынский государственный и военный деятель, премьер-министр и кондукатор (то есть вождь) Румынии в 1940–1944 гг.

⁷ Король Михай I – король Румынии в 1927–1930 гг. и в 1940–1947 гг. из династии Гогенцоллернов-Зигмарингенов. Занимал престол в первый раз ребенком, а во второй раз очень молодым человеком (19–26 лет) и влияния на политику практически не оказывал. Однако во время второго царствования совершил один, но весьма значительный для своей страны поступок – вывел Румынию из гитлеровской коалиции (1944). Кавалер высшего советского военного ордена Победы.

⁸ Дерьмо (нем.).

– Достаньте его хоть из-под земли, пусть даже из преисподней! Я на вас надеюсь, господин генерал, очень надеюсь. Хайль Гитлер!

Ближе к вечеру Шёрнера начали одолевать совсем уж мрачные мысли. В отличие от фюрера и его ближайшего окружения он никогда не был мистиком и не верил в разную чертовщину и приметы, но старый ворон, который добрых полчаса настойчиво каркал за окном кабинета, сидя на сухом дереве, привел душу генерал-оберста в сильное смятение.

У Шёрнера снова появились опасения (даже не опасения, а страх), что фюрер когда-нибудь ему напомнит о его участии в подавлении «Пивного путча»⁹. Уже в то время Шёрнер симпатизировал националистическому движению, но разве он, участник Первой мировой войны, боевой офицер, награжденный медалью «За доблесть», мог позволить себе ослушаться приказов вышестоящего начальства?

Это был большой грех генерал-оберста перед фюрером. Он старался искупить его не только верной службой на разных армейских должностях, но и поистине фанатичной преданностью Гитлеру. Для Шёрнера бывший ефрейтор Адольф Шикльгрубер был всем: и семьей, и отчизной, и Богом.

Он действительно был готов идти вместе с обожаемым фюрером до конца – каким бы он ни был...

Увы, плохие предчувствия реализовались гораздо быстрее, чем мог предположить Шёрнер. Около одиннадцати вечера позвонил новый начальник штаба ОКХ генерал-оберст Гудериан, который заменил на этом посту генерала Цейтлера, доброго приятеля командующего группы армий «Южная Украина»:

– Генерал-оберст Шёрнер!

Глуховатый голос Гудериана, которого Шёрнер считал выскочкой и чистоплюем, неприятно царапал слух командующего.

– Почему до сих пор вы не приступили к исполнению приказа о переброске дивизий на центральный участок фронта?!

– Господин генерал...

Стараясь справиться с волнением, Шёрнер крепко сжал в кулаке карандаш; он тихо хрустнул и сломался.

– Господин генерал, трудности с железнодорожным транспортом. И... и обеспечением танковых дивизий необходимым запасом горючего.

– Это отговорки!

«Неужели Антонеску не удалось убедить фюрера?!» Шёрнер лихорадочно соображал, что ответить начальнику штаба ОКХ.

– Господин генерал, я докладывал вашему предшественнику всю сложность положения группы армий «Южная Украина»...

– Я не слышал вашего доклада! – прервал его Гудериан. – И слышать не хочу! Надо же – у вас сложности. А у других командующих их нет. Это приказ фюрера! Проследите лично за своевременной отправкой эшелонов с указанными дивизиями. До тех пор, – голос Гудериана стал неожиданно жестким, – пока не прибудет новый главнокомандующий группой армий «Южная Украина». Хайль Гитлер!

– Хайль... – пробормотал ошеломленный услышанным Шёрнер.

25 июля 1944 года самолет с новым командующим генерал-оберстом Йоханнесом Фришнером приземлился в Румынии на небольшом аэродроме 4-го воздушного флота Тыргул-Окиа в восточных отрогах Карпат.

⁹ «Пивной путч» – попытка захвата государственной власти, предпринятая ветеранской организацией «Kampfbund» во главе с национал-социалистом Гитлером и генералом Людендорфом 9 ноября 1923 года в Мюнхене. Путч был инспирирован успешным выступлением фашистов в Италии во главе с Муссолини.

25 июля 1944 года. Из сообщений Совинформбюро. «Наши войска юго-западнее города Псков заняли с боями более 40 населенных пунктов, среди которых Лакамцево, Белохвостово, Самохвалова, Качанава, Аксенава, Тэпеница, Мейрова, Вилака, Свильпова и железнодорожная станция Жигури.

На Двинском направлении наши войска заняли более 20 населенных пунктов, в том числе Гутени, Кальки, Василево, Рубенишки, Орбидани и железнодорожные станции Медупе, Ваболе. Наши войска перерезали железную дорогу Двинск – Рига.

На Белостокском направлении наши войска заняли более 60 населенных пунктов, в том числе районный центр Белостокской области Заблудов, крупные населенные пункты Лмпск, Хильмоны, Новый Двор, Супрасль, Каракулье, Совляны (4 километра северо-восточнее Белостока), Протасы и железнодорожные станции Беланы, Сапоцковцы.

К северу и западу от города Люблин наши войска с боями заняли более 200 населенных пунктов, среди которых крупные населенные пункты Ломазы, Шустка, Крынка, Чемерники, Таркавица, Фирлей, Любартов, Курув, Каленчув и железнодорожные станции Безволя, Мотыч, Садурки.

Западнее и юго-западнее города Хелм (Холм) наши войска вели успешные наступательные бои, в ходе которых овладели городом Красностав, городом Замостье, а также с боями заняли более 100 других населенных пунктов, среди которых крупные населенные пункты Травники, Юзефов, Крупье, Заставе, Удрыче, Ситно, Бяловоля, Шевня, Кособуды, Рудка, Липовец и железнодорожные станции Рейовец, Кане, Травники, Бзите, Красностав, Звежинец, Буковница.

На Львовском направлении наши войска овладели районными центрами Львовской области городом Янов, городом Городок, Сокольники, районным центром Дрогобычской области городом Рудки, а также с боями заняли более 150 других населенных пунктов, среди которых крупные населенные пункты Ярычев Новый, Барщовицы, Романов, Водники, Давидов, Сихув, Кожельники, Зубжа, Солонка, Толщув и железнодорожные станции Давидов, Сихув, Оброшин, Городок.

Наши войска завершили окружение войск противника в районе города Львов и завязали бои на окраинах города. Нашим войскам сдался в плен вместе со своим штабом серьезно раненный командир 13-го немецкого армейского корпуса генерал от инфантерии Гауффе.

На Станиславском направлении наши войска овладели районными центрами Станиславской области Большовцы, Жовтень, Отыня, а также заняли более 80 других населенных пунктов, среди которых крупные населенные пункты Комарув, Селец, Добровляны (6 километров северо-восточнее города Станислав), Ольшаница, Олешув, Окняны, Олеша, Тарновица Польна, Гостув, Гаврыловка, Париши, Майдан-Горишний и железнодорожные станции Большовцы, Дубовцы, Жовтень, Олешув, Голоскув, Отыня, Товмачик.

На других участках фронта – без существенных изменений».

Глава 2

Задание

В конце жаркого июля 1944 года на Молдавию неожиданно обрушились ливневые дожди. Шли они выборочно, местами, по непонятному капризу природы. Сначала в чистом, безоблачном небе, полыхающем летним зноем, неведь откуда появлялась сизая дымка, затем небольшие кучевые облака, словно разрывы зенитных снарядов, потом резко потускневшее солнце окуналось в грязно-бурую тучу, которая спускалась едва не из космических глубин, и, вместе с раскатами грома, сотрясающими землю на много километров вокруг, на землю начинали падать не отдельные дождевики, а целые потоки воды.

Смывая на своем пути виноградные лозы, обламывая ветки с дозревающими плодами, ливневые струи собирались в ручьи, речушки и реки и с гулом катили по долинам к морю, разрушая на своем пути мазанки, курени и небольшие мосты.

И в то же самое время, верстах в тридцати от эпицентра стихии, сухая земля покрывалась трещинами, пруды и озера пересыхали, а некогда полноводные речки даже овцы переходили вброд.

Старики сокрушенно качали головами: «Ох, не к добру все это, не к добру...» Прислушивались к орудийной канонаде, особенно хорошо слышной по ночам, впопыхах обменивались новостями, и торопились по своим хатам, чтобы спрятать тревожное предчувствие неотвратимой беды за хлипкими деревянными засовами.

Фронт был еще далеко от этих сел и хуторов, но никто из крестьян, особенно тех, кому довелось пережить Первую мировую войну, не сомневался, что вскоре железный молох прокатится и по их головам.

На южном фронте протяженностью около шестисот километров воцарилось временное затишье...

Разведчики одного из подразделений 5-й ударной армии 3-го Украинского фронта впервые за полгода получили передышку: почти неделю отсыпались, долечивали легкие ранения и приводили обмундирование в порядок. И это июльское утро не предвещало для разведгруппы особых изменений.

Сержант Степан Кучмин мастерил скамейку. Он был русоволос, невысок ростом, но крепко сбит. Его истосковавшиеся по работе руки бережно сжимали старый рубанок, будто он был сделан из стекла.

Древесная стружка вилась кудряшками и, падая вниз, образовала вокруг сержанта маленький сугроб, благодаря чему Кучмин казался ожившей фигуркой оловянного солдатика, которая может лишь качаться туда-сюда на своей подставке, но ходить все же не в состоянии.

Ефрейтор Николай Ласкин чистил оружие. Кудрявая голова ефрейтора и его смешливое лицо проказливого херувима выдавали в нем веселую и бесшабашную натуру. Он принадлежал к тому сорту людей, которым и сам черт не брат.

Ласкин очень любил разные железки. Ну а трофейный немецкий автомат, с которым он сейчас возился, был для ефрейтора словно соска для капризного малыша. Он почти никогда не выпускал его из рук. И на то имелись веские причины.

Это был пистолет-пулемет МП-40¹⁰. Он достался Ласкину вместе со штабным офицером, который был выловлен ефрейтором из болота, куда фриц спрятался от разведчиков, когда они

¹⁰ МП-40 (Maschinenpistole 40) – пистолет-пулемет, разработанный Генрихом Фоллмером; иногда это оружие ошибочно называют «шмайссер». Возможно, это связано с тем, что до МР-40 на вооружении германской армии находились пистолеты-пулеметы конструкции Шмайссера, название которых и было перенесено на новые модели. Конструктивной особенностью МП-40 было то, что он был предназначен для ведения стрельбы от пояса, с ремня и без использования плечевого упора.

расстреляли его машину с охраной. Если бы не потрясающее чутье Ласкина, так и остался бы фриц сидеть под корягой, никем не замеченный.

Высокий штабной чин оказался очень полезным «языком», за что Ласкина наградили не только медалью, но и автоматом немецкого офицера, который был изготовлен по спецзаказу. Ласкин считал МП-40 чем-то вроде счастливого талисмана.

Старший сержант Петр Пригода рубил на дрова выкорчеванные пни. Это был, несмотря на молодость, настоящий богатырь с ручищами-лопатами и плечами размером с сажень. Его использовали в основном как тягловую силу.

Даже толстый боров весом за сто килограммов – немецкий майор интендантской службы, которого они взяли в плен два месяца назад, – казался на литых плечах Пригоды всего лишь обычным мешком с картошкой.

Дело в том, что при захвате майор получил ранение в бедро, и дальнейший путь через заграждения и минные поля преодолел сидя на закорках Пригоды. Однако, нужно заметить, и в бою сержант не пас задних.

Его храбрость не была истеричной, а тем более – напускной, подогретой внушениями командиров или пропагандой политрука. Она произрастала из его упрямой, неуступчивой хохлацкой природы и уходила корнями в Запорожскую Сечь, к дедам-прадедам, считавшим бой с врагами отчизны делом само собой разумеющимся, обыденным, – как пахота или летняя страда.

Что касается старшины Ивана Татарчука и командира разведгруппы старшего лейтенанта Маркелова, то они писали письма.

Симпатыга Татарчук, смуглый, как цыган, имел зазноб почти в каждой городке, который с боем проходила их воинская часть. Поэтому почтальон носил ему письма едва не мешками. После выполнения очередного задания Татарчук надолго уединялся в каком-нибудь укромном уголке и занимался эпистолярным жанром.

Нужно отметить, что его ответные письма не отличались разнообразием. Написав одно в качестве болванки, Татарчук остальные множил, как на копировальной машине, меняя в тексте лишь девичьи имена.

Старший лейтенант писал маме. Казалось, что его юного румяного лица еще не касалась бритва. Тем не менее крепкий торс выказывал в Маркелове совсем не юношескую силу. Обмундирование сидело на нем как влитое, он всегда был опрятен и подтянут. Даже во время поиска по болотистой местности Маркелов умудрялся замараться меньше всех.

Как-то так получилось, что до войны у него было много знакомых девчонок, но ни одна из них не тронула душу молодого спортсмена-разрядника. Все его помыслы были направлены на совершенствование спортивного мастерства и на учебу, а на личную жизнь времени практически не оставалось.

– Завтракать! – Во двор вышла хозяйка, дородная женщина в цветастом платке, с закопченным чугуном в руках. – Панове офицеры, мамалыга готова.

Мамалыга была восхитительна – пышная, ароматная, цвета топленого масла. Разведчики не заставили себя долго упрашивать, и вскоре чугунок показал дно.

Во двор заглянул вестовой штаба огненно-рыжий ефрейтор Валиков. Форма на нем сидела мешковато, словно была с чужого плеча, а на круглом, как блин, лице в веснушках всегда царил спокойное, безмятежно-глуповатое выражение; даже во время бомбежек и артолетов.

В общем, Валиков был вылитый солдат Швейк, только родившийся не в Праге, а в русской глубинке, в какой-нибудь Богом забытой деревеньке типа Зюзюкино или Подмышкино. К

Поэтому в пехотных частях он был мало распространен, но танкисты, кавалеристы, водители, десантники и другие части специального назначения оценили его по достоинству.

тому же он довольно сильно «окал», поэтому часто служил мишенью для зубоскалов, особенно бывших городских жителей из центральной части России.

Увидев Маркелова, он зашагал к нему гусиным шагом, пытаясь чеканить шаг.

При виде начальства у ефрейтора начинала кружиться голова по причине чрезмерного чиновничества. Ему казалось, что все командиры рангом выше старшины – заоблачные жители; что-то вроде греческих богов, проживавших на горе Олимп. Впрочем, преклонение перед начальством не мешало ефрейтору делать все по-своему, то есть как Бог на душу положит. Его крестьянская упертость была сродни фатализму.

Наверное, именно за эту страсть к чиновничеству Валикова и держали при штабе, потому что более бестолкового солдата трудно было придумать. Но нужно отдать ему должное: уж что-что, а труса он никогда не праздновал.

Однажды во время арналета Валиков прикрыл своим телом какого-то заезжего штабного генерала, за что получил медаль и чин ефрейтора.

После этого подвига он какое-то время посматривал на разведчиков свысока, но Татарчук очень быстро опустил его на грешную землю. Какую шутку он сыграл с Валиковым, уже забылось, но с той поры ефрейтор старался обходить старшину десятой дорогой.

Вот и сейчас, увидев Татарчука, вестовой индифферентно вздрогнул и замедлил шаг; но потом все же собрался и сделал вид, что на подворье нет никого, кроме старшего лейтенанта.

– Позвольте обратиться, товарищ старшой лейтенант! – Валиков вытянулся во фрунт, выпучив от усердия глаза.

При этом его нескладная фигура стала еще смешней: одно плечо оказалось гораздо выше другого, сдвинутые вместе ноги начали выглядеть более кривыми, чем на самом деле, а вместо выпяченной груди через ремень вывалился живот. (Нужно сказать, что Валиков был не дурак попеть, и его лучшим другом был повар части).

– Обращайтесь, – с напускной строгостью разрешил Маркелов, хотя его так и подмывало расхохотаться.

– Бягите срочно в штаб. Это, зовут вас...

Маркелов сразу посуровел. Похоже, беззаботная и безопасная жизнь на пленере закончилась. Он подпоясался, навел глянец на сапогах и одним махом перескочил через плетень.

Глядя вслед командиру, Татарчук с удовлетворением хмыкнул и пробурчал:

– Орел... Нет, для орла шибко молод. Сокол...

Он знал, что в рукопашной схватке быстрее Маркелова только Ласкин. Но старлей был опасней. Он всегда жалил неожиданно и смертоносно – как самая ядовитая змея. Что вовсе не характеризовало его в глазах разведчиков с плохой стороны. Скорее наоборот. Они гордились своим молодым командиром.

Одобрительно крякнув, Татарчук перевел свой взор на Валикова, который принюхивался к аппетитному запаху мамалыги, который все еще витал над подворьем.

– Ефрейтор Валиков! Ко мне, шаго-ом марш! – скомандовал он, грозно сдвинув густые черные брови.

– Чаво надобно? – с подозрением спросил Валиков.

– Нет, вы только посмотрите на него... Как стоите перед старшим по званию, ефрейтор! – рявкнул Татарчук. – Сми-и-рно!

Валиков вытянул руки по швам.

– Как разговариваете с вышестоящим начальством?! – расходился Татарчук пуше прежнего.

Это он заметил на улице, возле колодца с «журавлем», восхитительно длинную косу с ярким красным бантом – юная прелестная молдаванка смотрела на статного, подтянутого старшину восхищенными глазами.

– «Чаво надобно...», – перекинул он Валикова. – «Разрешите доложить», «Слушаюсь», «Так точно», «Разрешите выполнять» – вот так нужно разговаривать с командиром. Вам понятно, Валиков?

– Чавой тут не понять...

– Да не «чавой», а «так точно, товарищ гвардии старшина». Повторите!

– Так точно, товарищ гвардии старшина! – постарался Валиков.

И только услышав хохот разведчиков, он наконец понял, что его в очередной раз разыгрывают.

– Смяетесь... – проворчал обиженно Валиков и поплелся обратно в штаб, шлепая по лужам своими растоптанными сапожищами.

В штабе кроме подполковника Бережного и майора Горина находился незнакомый Маркелову полковник.

– А, вот и наш курортник, – увидев Маркелова, добродушно улыбнулся подполковник Бережной. – Присаживайся. Отдыхать не надоело?

– Если честно, то пока нет, не надоело, – сдержанно ответил старший лейтенант.

– Придется тебя разочаровать, – посерьезнел Бережной. – Для твоей группы есть новое задание.

– Нам к заданиям не привыкать, товарищ подполковник, – по-мальчишески задорно ответил ему Маркелов. – Мы всегда готовы.

– Знаю. С этого дня разведгруппа поступает в распоряжение штаба фронта... – Бережной встал. – Разрешите идти? – с подчеркнутой официальностью обратился он к полковнику.

Маркелов знал, откуда происходит эта официальность. Подполковник Бережной терпеть не мог, когда его разведчиков забирали из части для работы на «соседей». И это притом, что специальная разведгруппа Маркелова в основном работала по заданию штаба армии.

– Идите... – ответил полковник густым баритоном.

Он подождал, пока Бережной и Горин выйдут из комнаты, и плотно прикрыл за ними дверь.

– Вот так... – сказал он, будто поставил точку в рапорте, и возвратился к столу.

Достав трофейный немецкий портсигар с вмонтированной зажигалкой, полковник присел рядом с Маркеловым.

– Куришь? – спросил он старшего лейтенанта.

– Да.

– Угощайся.

– Спасибо... – Старший лейтенант взял папиросу, но раскуривать не спешил, ждал, пока это сделает полковник.

Тот закрыл портсигар, раздался щелчок, и в уголке плоской металлической коробки с вензелями поднялся язычок пламени. Прикурили.

– Ну что же, старший лейтенант, будем знакомы, – сказал полковник, пыхнув пару раз папиросным дымом. – Северилов.

Маркелов даже вздрогнул от неожиданности – о легендарном фронтовом разведчике Северилове он был наслышан немало. Полковник ходил по вражеским тылам еще в Финскую кампанию. Говорили, у Северилова столько орденов и медалей, что на кителе не помещаются.

– Так это... вы? – глупо спросил пораженный Маркелов.

– Я, лейтенант, я, – скупно улыбнулся полковник. – Собственной персоной. А теперь – к делу...

Он развернул на столе карту.

– Смотри сюда... – Северилов подвинул карту поближе к Маркелову и взял в руки карандаш вместо указки. – Здесь занимает оборону группа армий «Южная Украина». В нее входят, во-первых, две очень мощные армейские группы – «Вёлер» и «Думитреску». (Соб-

ственно говоря, это 8-я немецкая армия под командованием генерала от инфантерии Вёлера и 3-я румынская армия под командованием генерал-полковника Думитреску. «Вёлер» и «Думитреску» их назвали для простоты обозначения). Во-вторых, центр – кишиневское направление – прикрывает очень сильная и хорошо укомплектованная 6-я немецкая армия. Командующий – генерал артиллерии Фреттер-Пико. (6-я и 3-я армии составляют группу «Думитреску».) В-третьих, возле Ясс держит оборону 4-я румынская армия под командованием генерала от кавалерии Раковицы. (Она входит в группу «Вёлер».) Плюс к этому еще десять армейских корпусов, и один из них – танковый. Воздушная поддержка: часть сил 4-го воздушного флота Германии и румынский авиационный корпус. Точная численность войск нам пока неизвестна. Предположительно около миллиона. Этот вопрос уточняется. Но и это немало. Оборона сильная, с хорошо развитой системой инженерных заграждений. По данным воздушной разведки, заграждения местами тянутся в глубину до восьмидесяти километров. Возникает вопрос: где, в каком месте можно прорвать вражескую оборону с наименьшими для нас потерями? Это и будет вашей главной задачей. Полковник прошелся по комнате.

– Мы уже шесть групп потеряли... – глухо, как бы про себя, обронил он на ходу. – А ведь это были лучшие из лучших.

– Похоже, товарищ полковник, нам пора собираться... – то ли просто сказал, то ли спросил Маркелов.

– Да. Пора. В твоей группе кто-нибудь умеет обращаться с рацией?

Вопрос был отнюдь не праздным. Северилову хорошо была известна проблема, про которую он спросил.

Обычно в ближний поиск радиста с рацией не брали. И не потому, что он считался обузой, а по той причине, что радистов-профессионалов катастрофически не хватало. Над ними висел какой-то рок. Как только очередной поиск, так после него радист обязательно попадал в лазарет. Это в лучшем случае. А в худшем...

– Я и сержант Кучмин, – ответил Маркелов. – Я – не так, чтобы очень, а сержант работает на рации вполне прилично.

– Значит, вам радист не нужен, – облегченно вздохнул Северилов. – Это упрощает задачу. Хуже всего, когда за линию фронта идет слабо подготовленный человек.

– Это точно, товарищ полковник, – нахмурился Маркелов.

Год назад, когда Кучмин лежал в госпитале после ранения, ему на замену прислали юного радиста, совсем молокососа, который еще не нюхал порошу. И в первом же поиске парнишка подкачал. «Сошел с дистанции», как говорят спортсмены. Мало того, что радист натер ноги до крови, так он, вдобавок ко всему, умудрился и руку сломать.

Пришлось нести мальчишку на плечах вместе с рацией, а кроме того, еще и «языка», очень шустрого и сильного офицера СС, который все норовил сбежать. Правда, его все равно «догнал» нож Ласкина. Догнал и остановил. А толку-то?

Несмотря на то, что Ласкин попал точно в мягкое место офицера, фриц идти не мог; а может, притворялся. Гад...

– Маршрут и детали задания мы сейчас не будем уточнять... – Полковник на некоторое время задумался. – Вот что, Маркелов. Мне кажется, что все эти исчезновения разведгрупп как-то связаны с деятельностью моего старого знакомого, полковника абвера¹¹ Дитриха, кото-

¹¹ Абвер (Auslandnachrichten und Abwehramt; нем.) – орган военной разведки и контрразведки Германии в 1919–1944 гг. Создан в 1919 году правительством Веймарской республики. Поскольку условия Версальского договора не допускали создания в Германии разведывательных органов, на абвер формально возлагались функции контрразведки в вооруженных силах. В действительности абвер осуществлял разведывательную деятельность против СССР, Польши, Чехословакии, Франции, Великобритании и др. стран. С 1935 года возглавлялся адмиралом Вильгельмом Канарисом. В 1938 году абвер реорганизован в Управление разведки и контрразведки Верховного главнокомандования вооруженными силами Германии. В 1944 году в связи с неудачами в деятельности против СССР абвер был расформирован, а его отделы вошли в состав Главного управления имперской безопасности, подчиненного Генриху Гимлеру.

рый по данным СМЕРШа¹² недавно появился в расположении группы армий «Южная Украина». Это очень опасный противник. Правда, неизвестно, чем Дитрих занимается в данный момент и что его привело в эти края, но к блокированию наших разведгрупп он точно руку приложил. В этом практически нет сомнений...

Севериллов нервным движением достал из портсигара еще одну папиросу, закурил и подошел к окну.

– Особо обрати внимание на то, что Дитрих часто использует для таких целей большое количество служебно-розыскных собак, – продолжил он, выпустив облако табачного дыма в форточку. – В сороковом году по его инициативе при школе абвера в Шарлоттенбурге было создано специальное кинологическое подразделение. Собак натаскивали именно на поиск разведывательных и диверсионных групп.

– Нам не раз приходилось сталкиваться с немецкими псами. У нас старший сержант Пригода по ним спец... – Маркелов весело улыбнулся – видимо, вспомнив какую-то смешную историю.

– Это не шутки, Маркелов, – строго сказал полковник. – Повторяю – псы подготовлены по специальной программе. Почуввав противника, они не лают, а безмолвно идут по следу. И ведут за собой группу захвата. Эти собаки даже перед нападением не подают голос. Они приучены не останавливать, а убивать. Обычно эти псы сразу рвут горло. Поскольку спецподразделение малочисленно, Дитрих использует его только в особых случаях.

Полковник потушил папиросу в пепельнице, изготовленной из снарядной гильзы, немного помолчал, затем тихо сказал едва не с мольбой в голосе:

– Задание сложное и опасное, но я очень на тебя надеюсь, сынок...

¹² СМЕРШ (аббревиатура сложена из начальных букв лозунга «Смерть шпионам!») – Главное управление контрразведки «СМЕРШ» Народного комиссариата обороны (НКО) СССР – военная контрразведка. Преобразовано из Управления особых отделов НКВД Постановлением Совета народных комиссаров СССР от 19 апреля 1943 года. Тем же Постановлением были созданы Управление контрразведки «СМЕРШ» НКВМФ СССР и отдел контрразведки «СМЕРШ» НКВД СССР. Под этим названием военная контрразведка просуществовала до мая 1946 года.

Глава 3

Старые приятели

Фриснера встретил оберст фон Трота. Они не были знакомы, поэтому заместитель начальника штаба группы армий «Южная Украина» держался несколько скованно. До штаба они добирались на машине. Штаб находился в горном курорте Слэник в Восточных Карпатах, расположенном в очень красивом месте.

Генерал-оберст был неприятно поражен и удивлен, увидев мирный ландшафт и маленькие деревушки, по которым еще не прошла война. Все выглядело на удивление мирно, почти сказочно, словно на сусальной картинке.

В парках курорта прогуливались румынские офицеры со своими дамами, где-то играл аккордеон, на зеркальной поверхности маленького пруда плавали белоснежные лебеди...

Это непривычное зрелище вызвало у Фриснера горькое чувство. Огненный ад под названием группа армий «Север», где практически непрерывно шли дожди из стальных осколков и свинцовый град, откуда он вырвался лишь несколько дней назад, никак не вписывался в идиллические румынские пейзажи, казавшиеся другой планетой.

Дорога была длинной, и пока ехали, фон Трота обрисовал Фриснеру ситуацию в группе армий, которой генерал-оберсту предстояло командовать, не преминув немного добавить исторического экскурса.

– ...Группа армий «Южная Украина» создана из бывшей группы армий «Юг» фельдмаршала Манштейна и группы армий «А» фельдмаршала фон Клейста. После тяжелых боев зимой 1943–1944 годов и весной 1944 года, в ходе которых мы понесли большие потери, 6-я армия, заново сформированная после разгрома под Сталинградом, была вторично разбита, на сей раз на южном крыле Восточного фронта... – Голос фон Трота предательски дрогнул; генерал-оберст с сочувствием кивнул.

Ему ли не знать, как тяжелы подобные воспоминания...

– В апреле нам удалось наконец стабилизировать фронт на рубеже Днестра и далее по линии Кишинев, Яссы, северо-восточные склоны Карпат, – продолжал фон Трота. – Это обстоятельство имеет для нас очень серьезное значение, если учесть неустойчивость румын и их нежелание продолжать войну. Думаю, не стоит много говорить о том, настолько важны для нас позиции Румынии и Венгрии, которые находятся в тылу южного крыла фронта. Через эти страны проходят все наши коммуникации, кроме того, мы делаем на них большую ставку как на наших активных союзников. К сожалению, правительства обеих стран до сих пор находятся почти в открытой вражде друг с другом по причине старого спора из-за Трансильвании... Простите, вы не возражаете? – Немного осмелевший фон Трота достал портсигар.

– Курите, – великодушно разрешил генерал-оберст.

Закурив и сделав несколько глубоких затяжек, заместитель начальника штаба группы армий «Южная Украина» продолжил свой импровизированный доклад:

– В течение весны и двух летних месяцев мы предпринимали все возможное, чтобы улучшить подготовку и вооружение румын. Был обеспечен немецкий инструкторский состав, поставлено немецкое оружие, румынская танковая дивизия «Великая Румыния» получила новые немецкие танки. Созданы новые оборонительные рубежи. На северном крыле группы армий закончено начатое еще до войны строительство оборонительной позиции «Траян», пересекающей местность в самых высоких точках. На эту позицию мы ввели свежие румынские дивизии. В связи с этим была найдена возможность постепенно отвести с фронта шесть наших танковых дивизий, чтобы они отдохнули. Эти дивизии пока оставлены в резерве в качестве ударных частей в тылу у ненадежных румынских войск. Ко всему прочему, к нам

прибыло пополнение за счет хорошо обученных и обстрелянных подразделений, высвободившихся после эвакуации Крыма...

«Черт побери! – раздраженно подумал Фриснер. – Мои опасения подтверждаются!»

Фон Трота как раз говорил о том, что серьезным изъяном всей системы обороны группы армий «Южная Украина» было то, что весь ее фронт являлся большим выступом по сравнению с фронтом левого соседа – группой армий «Северная Украина»; передний край ее обороны уже проходил по Карпатам. Пока у группы армий «Южная Украина» есть достаточно армейских и особенно танковых резервов, с таким выступом еще можно мириться.

Ну а вдруг резервов не останется? Что тогда?

«Линия фронта проходит неверно! Вот и фон Трота на это намекает. Это бросается в глаза сразу, стоит только посмотреть на карту укрепрайона; можно даже не производить рекогносцировку местности. – Перед приемом у Гитлера, генерал-оберст, уже зная о своем новом назначении, битый час с большим прилежанием изучал карту боевых действий группы армий «Южная Украина», чтобы не попасть впросак и не выглядеть в глазах обожаемого фюрера дилетантом. – Линию фронта нужно выравнять. Иначе при ударе русских армий по флангам наши части окажутся в “котле”. Понимает ли это фон Трота?»

Генерал-оберст посмотрел на немного бледное лицо заместителя начальника штаба, который был еще и начальником оперативного отдела.

Но фон Трота докладывал как по писаному, словно говорящая механическая кукла: бесстрастно, сухо, без лишних деталей, которые обычно появляются при сильном эмоциональном возбуждении. Это подкупало.

Фриснер терпеть не мог болтунов. А в особенности тех, кто любит выпячивать свои личные заслуги – настоящие или мнимые.

– ...Особенное беспокойство поначалу вызывали железные дороги. Из-за малой пропускной способности и технической отсталости румынские железные дороги, связывавшие Румынию с Венгрией через Карпаты, в начале года были почти полностью парализованы в результате административных трений между двумя странами. Взаимные придирки и формализм приводили к колоссальным потерям времени. Наблюдать за ходом перевозок было почти невозможно. Верховное командование не разрешило командованию группы армий принять необходимые для этого меры, так как не хотело еще больше раздражать дружественные страны. В первые дни оборонительных боев эта ситуация доводила нас едва не до отчаяния. Не хватало необходимых боеприпасов, эшелоны из Германии шли по три недели. Очень часто они просто-напросто пропадали без вести. Приходилось искать их с помощью самолетов на перегонах, давать взятки машинистам и таким образом заставлять поезда двигаться вперед. Для того чтобы увеличить пропускную способность железных дорог, мы вынуждены были заставлять личный состав совершать длинные пешие переходы. Поезда разгружали на венгерской территории, а затем караван людей с грузом двигался через Карпаты, делая в пути стоянки для отдыха, и, прибыв в Румынию, снова грузился в вагоны уже другого поезда. В конце концов мы преодолели эти трудности, но чего это нам стоило...

«Нужно отвести фронт группы армий за Прут, на уже оборудованный оборонительный рубеж Галац, Фокшаны, восточные отроги Карпат и сосредоточить все немецкие силы в тыловом районе под моим командованием, – озабоченно думал Фриснер. – Тогда группа армий может иметь как бы два хорошо сцементированных фронта: один – обращенный на север, другой – на восток. Это отличная идея. Но как на нее отреагируют в ОКВ? И главное – что скажет фюрер?»

За разговорами время в поездке пробежало незаметно. Обуреваемый великими, как ему казалось, замыслами генерал-оберст очнулся от своих теоретических выкладок только возле отведенной ему под жилье небольшой, но симпатичной дачи. Здесь жил и Шёрнер, который уже начал паковать чемоданы.

Рабочие помещения оперативной группы штаба располагались в большом курортном отеле. Как сообщил фон Трота, для работы это чрезвычайно удобно, если бы не частые налеты авиации противника. Другие отделы штаба группы армий были рассредоточены по соседним зданиям, и даже населенным пунктам Шёрнер встретил Фриснера с нескрываемой радостью. Они были очень разными людьми, и тем не менее дружили со времен Первой мировой войны.

Генералы были одногодки (оба родились в 1882 году; Фриснер – в Хемнице, а Шёрнер – в Мюнхене), прошли одну и ту же школу выживания в Веймарской республике¹³, имели одинаковое воинское звание, поэтому мыслили почти в унисон.

Только Шёрнер, в отличие от Фриснера, души не чаял в великом фюрере Германии. Гитлер был для него каким-то высшим существом. Наверное, Шёрнер был чересчур внушаемым человеком, несмотря на весь свой немецкий практицизм.

Что касается генерал-оберста, то он никогда не верил Гитлеру, даже во времена побед. Фриснер считал его выскочкой, удачливым политиком, но никак не военным стратегом. Иногда генерал-оберст мысленно признавался сам себе, что не будь он постоянно в действующей армии, его уже расстреляло бы гестапо¹⁴ – как заговорщика против фюрера.

Старые приятели встретились за отменно сервированным столом, и Фриснер лишь тяжело вздохнул, глядя на продуктивное изобилие, искусно расположенное на белоснежной накрахмаленной скатерти. В этот момент он вспомнил, чем питался последний месяц. Даже в ставке фюрера его накормили какой-то дрянью, после чего генерал-оберст целую ночь промаялся изжогой.

– Как думаешь, Йоханн, союзнички не подложат нам свинью? – Шёрнер заботливо подливал в бокал Фриснера пенистый мозельвейн¹⁵.

Он знал, что его приятель любит это вино. С мозельвейном у Фриснера была связана какая-то романтическая история в глубокой юности.

– Фердинанд, время для оптимистических прогнозов ушло безвозвратно. – Фриснер тяжело вздохнул. – К тому же большая политика – дело фюрера. Мы с тобой солдаты. Наше дело не витать в облаках, а заниматься чисто земными делами.

– Йоханн, я рад, что именно ты сменишь меня здесь. Твой опыт и воинский талант помогут стабилизировать обстановку на южном направлении. В этом я уверен.

Генерал-оберст Шёрнер пребывал в благодушном настроении. Все его страхи и опасения по поводу своей дальнейшей судьбы развеялись.

Ему уже сообщили, что он получил пост главнокомандующего группы армий «Север», который до этого занимал Фриснер, и Шёрнер уже был готов отбыть к месту назначения. Ждали только летной погоды – над Карпатами бушевала сильная гроза.

– Спасибо на добром слове... А вот я не завидую тебе, Фердинанд... – Генерал Фриснер выглядел усталым и отрешенным. – Фюрер отстранил моего предшественника Линдемана за неудачное наступление в районе Даугавпилса. Но что Георг мог сделать? От него требовали нанести контрудар и в то же время забрали 12-ю танковую и 212-ю пехотную дивизии для группы армий «Центр». А когда я сменил его, мне пришлось вдобавок «подарить» центральному участку фронта еще одну из своих лучших дивизий, 122-ю пехотную.

– Значит, ты считаешь... что у группы армий «Север» положение критическое? – нахмурившись, осторожно спросил Шёрнер.

¹³ Веймарская республика – Установленная в результате ноябрьской революции 1918 г. буржуазно-демократическая республика в Германии (1919–1933 гг.) Состояла из 15 земель (республик) и 3 «вольных городов». Первым президентом Веймарской республики был избран Фридрих Эберт, занимавший этот пост с февраля 1919 до своей смерти в феврале 1925.

¹⁴ Гестапо (Geheime Staatspolizei; нем.) – тайная государственная полиция Третьего рейха (1933–1945 гг.), предназначенная для борьбы с инакомыслящими, недовольными и противниками нацистского режима; входила в состав Министерства внутренних дел Германии. Гестапо было создано 26 апреля 1933 г. Германом Герингом, министром внутренних дел Пруссии.

¹⁵ Мозельвейн – белое сухое вино с виноградников, расположенных по берегам реки Мозель.

– Ах, Фердинанд, – вздохнул Фриснер. – Как я могу ответить тебе на этот вопрос?! Ведь группой «Север» мне довелось командовать всего двадцать дней. Фюрер меняет командующих как перчатки. Нет-нет, я не в претензии! Ему с его высоты лучше видна общая картина сражений на всех участках фронта и кто из командующих армиями чего стоит, но все же...

– И все-таки, Йоханн, неужели дела обстоят настолько плохо, что даже ты, мой старый соратник, не хочешь сказать мне правду? – попытывался Шёрнер.

– Суди сам. В составе группы армий «Север» 38 дивизий; это 16-я и 18-я армии, а также оперативная группа «Нарва». По последним данным, в дивизиях насчитывается по восемь – десять тысяч человек личного состава. Много это, мало? Если судить по меркам сорокового года, то вполне достаточно. А если применительно к настоящему времени – катастрофически мало!

Фриснер начал нервно ходить по кабинету, забыв о том, что держит в руках бокал с мозельвейном. Светлая искристая жидкость плескалась в чешском хрустале и орошала крупными каплями старинный ковер ручной работы, которым был застелен пол.

– Солдаты теряют веру в победу, – продолжал Фриснер. – Ты можешь себе представить, Фердинанд, до какого позора мы дожили – германские солдаты дезертируют в массовом порядке! Моральный дух подорван, со снабжением постоянные перебои – эти бандиты-партизаны держат под своим контролем почти все железные дороги...

Сразу после обеда новый командующий генерал-oberst Фриснер собрал оперативное совещание штаба группы армий «Южная Украина». Ему нужно было поближе познакомиться со своими новыми подчиненными.

Он знал лично лишь трех генералов: начальника связи группы армий генерал-лейтенанта Шуберта, начальника инженерных войск генерал-майора Мейера и генерал-майора фон Родена, исполняющего особые поручения командующего.

Осмотр оборонительных сооружений и позиций войск, а также встречу с командующими армий и корпусов, генерал решил отложить на следующий день. Полет через линию фронта стоил ему много душевных сил и нервов.

Офицеры уже ждали нового шефа, поэтому сидели в своих рабочих кабинетах и собрались быстро. Совещание прошло в несколько суховатой и предельно официальной обстановке. Сотрудники штаба присматривались к новому начальнику и все свои эмоции прятали под маской чиновничества и безусловной исполнительности.

Фриснер был не очень доволен – первый контакт получился каким-то скомканным, нервным. Может, по той причине, что Шёрнер представил его офицерам штаба впопыхах, потому что торопился, так как небо прояснилось и метеослужба дала «добро» на вылет.

Докладывал oberst фон Трота. Говорил он больше для Фриснера, потому что все остальные были хорошо ознакомлены с положением дел в группе армий «Южная Украина».

– ...Наши рубежи обороны глубоко эшелонированы – до 80 км в глубину – от румынского города Пашкани к Днестру и вниз до Черного моря. Протяженность оборонительных линий – свыше 580 километров. В группу армий «Южная Украина» входят две армейские группы – «Вёлер» (8-я немецкая, 4-я румынская армии и 17-й отдельный немецкий корпус) и «Думитреску» (6-я немецкая и 3-я румынская армии). Поддерживает их 4-й воздушный флот и румынская авиация. Наши войска насчитывают 900 тысяч человек, 7600 орудий и минометов, 410 танков и штурмовых орудий, более 800 самолетов. На первый взгляд сил вполне достаточно для эффективной обороны. Но изготовившиеся к наступлению войска 2-го и 3-го Украинских фронтов очень сильны. По данным разведки во 2-й Украинский фронт генерала армии Малиновского входят 40-я, 7-я гвардейская, 27-я, 52-я, 4-я гвардейская и 53-я армии, 6-я танковая армия, 5-й гвардейский конный корпус, 23-й танковый корпус, 18-я танковая армия и 5-я воздушная армия. В 3-й Украинский фронт генерала армии Толбухина входят 5-я ударная, 57-я,

37-я и 46-я армии, 7-й мотострелковый корпус, 4-й гвардейский мотострелковый корпус и 17-я воздушная армия. В количественном исчислении, по самым скромным прикидкам, это примерно 1 миллион 200 тысяч – 1 миллион 300 тысяч человек, 15–16 тысяч орудий и минометов, около двух тысяч танков и САУ, две тысячи самолетов и все силы Черноморского флота.

«Нужны подкрепления... – с тоской думал генерал-oberст, внимательно вслушиваясь в монотонный голос заместителя начальника штаба. – Крайне мало самолетов и танков. Но где их взять? Негде... Даже если умолять, упасть на колени – все равно не дадут. Англичане и американцы открыли второй фронт, 6 июня высадились в Нормандии. Там тоже нужно дыры латать. И все-таки линию фронта надо отводить назад, к карпатским хребтам, спрямить этот опасный выступ. Доложу свои соображения на сей счет и обязательно в письменном виде. Гудериан, хитрый лис, вручая мне в штабе ОКХ приказ о переводе, сладко пел, что здесь не фронт, а курорт. Боюсь, что скоро тут будет хуже, нежели на северном направлении...»

По окончании совещания Фриснер попросил задержаться начальника разведывательного отделения группы армий «Южная Украина» полковника Бунтрока.

– Господин полковник, меня интересуют контрмероприятия по пресечению проникновений в наш тыл советской фронтовой разведки.

– Господин генерал, я, конечно, могу доложить вам по существу, но, думаю, что по этому вопросу вас более детально проинформирует прикомандированный к нам из РСХА¹⁶ штандартенфюрер¹⁷ Дитрих. Именно он занимается этими вопросами.

Генерал-oberст был приятно удивлен. Он хорошо знал Рудольфа Дитриха. Когда Фриснер служил в рейхсвере Веймарской республики, Дитрих какое-то время находился в его подчинении. Мало того, они даже стали приятелями, несмотря на существенную разницу в возрасте – Дитрих был моложе генерал-oberста на десять лет.

Со временем их дружеские связи ослабли, они не встречались с самого начала войны. Что неудивительно: война застала Фриснера в должности инспектора армии резерва и боевой подготовки сухопутных сил, а сотрудник абвера Дитрих участвовал в каких-то тайных операциях на территории Советского Союза и Великобритании.

После ухода полковника Бунтрока генерал-oberст вызвал к себе штандартенфюрера Дитриха.

– Давно мы с тобой не виделись, старина... – Дружески пожимая руку Дитриху, Фриснер указал глазами на небольшой кожаный диванчик. – Присядем...

– Благодарю. Господин генерал, с вашего позволения я закурю...

– К чему такой официальный тон, Рудольф? Кури. А ты все еще в полковниках ходишь.

– Ну, во-первых, я не полковник, а штандартенфюрер СС... – В голосе Дитриха прозвучала глубоко скрытая ирония. – А во-вторых, ценность сотрудника разведки в отличие от офицеров вермахта заключается не в погонах с золотым шитьем и не в званиях.

Генерал Фриснер рассмеялся.

– Вижу, ты никак не можешь смириться с тем, что абвер теперь не отдельная структура, а входит в состав РСХА, – сказал он с пониманием. – Многие так думают... Но фюреру видней. Не так ли?

– Несомненно, – сухо ответил Дитрих. – По крайней мере все мы в РСХА занимаемся одним делом и не кичимся друг перед другом количеством наград и должностными полномочиями.

¹⁶ РСХА – Главное имперское управление безопасности; создано в сентябре 1939 г. Руководители: с момента образования до 4 июня 1942 – обергруппенфюрер СС Рейхард Гейдрих; с 30 января 1943 до окончания войны – обергруппенфюрер СС Эрнст Кальтенбруннер.

¹⁷ Штандартенфюрер – звание в СС и СА; соответствовало званию армейского полковника.

– М-да, Рудольф... Похоже, ты все так же скептически, как и прежде, относишься к армейским офицерам. Это, пожалуй, единственный пункт, по которому у нас с тобой когда-то были разногласия.

– Время нередко меняет мировоззрение человека. Особенно когда идет война.

– Ты стал философом?

– Нет. Я, пожалуй, стал циником.

– Это хуже?

– Для солдата – нет, для разведчика – да.

– Почему? – живо поинтересовался генерал-oberst.

– Если разведчик работает только ради денег и званий, только ради наград и почестей – он циник до мозга костей. В любой момент его могут перевербовать, предложив куш посолидней; наконец, он может просто струсить, сломаться. Я никогда до конца не верил таким людям.

– К чему ты клонишь, Рудольф?

– Отвечаю честно на вопросы, поскольку вам, господин генерал, судя по всему, хочется полной откровенности.

– Рудольф, мне в первую голову хотелось бы услышать твое мнение о состоянии дел в Румынии, – сказал Фриснер. – И кстати, что ты можешь сказать про Антонеску? Я с ним не знаком и совершенно не имею представления, что он собой представляет как человек и руководитель. Только ради Бога, Рудольф, не корми меня сладкой кашей! Говори все, как есть, как ты думаешь. Я знаю, что могу доверять твоим наблюдениям и выводам.

– Спасибо, мой генерал... Когда в апреле противник подошел к Днестру, а в начале лета частично вступил на территорию Румынии, заняв Яссы и другие населенные пункты, Антонеску объявил тотальную мобилизацию. Новая мобилизация явилась, по сути дела, его волевым решением. Она была объявлена отнюдь не в результате всенародного подъема, а под нажимом сверху. (Кстати, хочу сказать, что румынский король не делает большой тайны из своих симпатий к Англии). Что касается личности Антонеску, то это худощавый, небольшого роста человек, типичный гусарский офицер. Он крайне тверд в обращении с людьми, очень хорошо и быстро ориентировался в любой военной обстановке. Разъезжает по стране и по фронту всегда в сопровождении большой свиты. Хотя Антонеску и полностью доверяет германскому командованию, тем не менее ходят слухи, что он питает неприязнь к фюреру. Но я бы в это не очень верил. Вы же знаете этих политиков... Для них лицемерие и двурушничество в порядке вещей. В море лжи они чувствуют себя гораздо уверенней, нежели в постели куртизанки. Как бы то ни было, но у меня сложилось впечатление, что Антонеску чувствует себя в нашем кругу словно среди своих.

– Хорошо. Спасибо. Теперь, как говорится, вернемся к нашим баранам. Какая ситуация сложилась в Румынии на сегодняшний день?

– Все нормально, если судить по заявлениям Антонеску.

– А если судить по данным твоей «конторы»?

– Дело дрянь, господин генерал.

– Почему?

– Вчера я получил отчет румынской сигуранцы¹⁸ за последние две недели. Весьма интересные вещи творятся за спиной маршала Антонеску. Создан национал-демократический блок коммунистической, национал-царанистской, или крестьянской, и национал-либеральной партий. А это уже опасно.

– Сведения достоверны?

– Вполне.

– Какие меры приняты?

¹⁸ Сигуранца (Sigurant,a) – в 1921 – 44 гг. название тайной политической полиции в королевской Румынии.

– Какие меры можно предпринять, чтобы задержать горный обвал на полпути?

– Параллель довольно условная...

– Не возражаю. Работаем и в этом направлении. Но хуже всего то, что король Михай решил удариться в политику, судя по всему, под влиянием своей матери: за последние полгода резко усилились трения между его приближенными и Антонеску. А это явно неспроста. Правда, король пытается делать вид, что его отношение к Антонеску не изменилось, но это меня больше всего и настораживает.

– Думаешь, он способен открыто выступить против Антонеску?

– Господин генерал, чтобы спасти свою корону, Михай пойдет на все. Кроме того, у меня возникают большие сомнения относительно надежности румынских офицеров. Пока никаких конкретных доказательств у нас нет, но многое говорит о том, что здесь далеко не все в порядке. Например, по указанию румынского военного министерства была произведена замена высших румынских офицеров, причем мы не были поставлены об этом в известность. И все это сейчас, накануне наступления русских! В качестве предлога была выдвинута версия, что румынские военачальники должны отдохнуть перед сражением. Отдохнуть! Каково? Среди этих «курортников», в частности, и командующий 4-й румынской армией генерал Раковица. На фронт он пока не вернулся. И где он находится, никто не знает.

– Это опасный симптом...

– Да. Зараза пораженчества постепенно распространяется на все слои румынского общества. Весьма подозрительны регулярные совещания политических деятелей и генералов, происходившие в городе Алба-Юлия. Есть сведения, что они ведут переговоры с вражескими державами и готовят свержение Антонеску. Понятно, что сформированное этими деятелями правительство займет враждебную позицию по отношению к Германии. Я неоднократно посылал в РСХА донесения об упомянутых подозрительных явлениях, но никакие меры для пресечения этой деятельности до сих пор не приняты и никаких указаний на сей счет я не получил. А лично я, по собственной инициативе, не имею ни полномочий, ни права вмешиваться в здешнюю политику. Меня послали, как опытного специалиста, всего лишь усилить аппарат фронтовой разведки группы армий «Южная Украина».

– Скверно. Значит, на прочный тыл нет никакой надежды...

– Все склоняется к тому.

– Получается, что я попал из огня да в полымя, – тихо пробормотал Фриснер.

– Простите, мой генерал, что вы сказали? Я не расслышал.

– Говорю, что ситуация на фронтах все больше усложняется.

– Несомненно.

– И все же я верю в воинский гений фюрера! – несколько патетически воскликнул генерал-oberst, при этом бросив острый взгляд на штурмбаннфюрера. – Мы победим!

Лицо разведчика осталось невозмутимым, лишь в глазах мелькнула едва уловимая тень. Он коротко ответил:

– Да, мой генерал, победим.

– Ну что же, Рудольф, спасибо за информацию, – с наигранной бодростью продолжил Фриснер. – А теперь займемся вопросами, которые касаются нас непосредственно...

С этими словами генерал-oberst направился к крупномасштабной карте района боевых действий.

– Насколько я информирован, – сказал он, – в данный момент у нас наиболее боеспособной является шестая армия. Так, Рудольф?

– Да.

– И что фланги у нас самое уязвимое место, поскольку там оборону держат румынские войска. Это соответствует действительности?

– Вполне.

– Допустим, эти сведения не являются тайной и для русских.

– Абсолютно верно. Армейская разведка у них на должной высоте.

– Тогда мы и будем исходить из этого факта. Рудольф, мы с тобой сейчас немного пофантазируем. Сыграем в бумажную войну. Итак, ты русский командующий, и тебе известно, что все лучшие войска Германии сосредоточены в районе вот этого выступа; то есть они прикрывают Кишинев. Куда бы ты на месте русских генералов направил свой основной удар в предстоящем наступлении?

– Здесь и думать долго не нужно. Конечно же ударил бы по флангам. С южной стороны – по 3-й румынской армии с форсированием Днестра и Днестровского лимана, а на нашем левом фланге – прорыв обороны в расположении 4-й румынской армии с направлением главного удара на Хуши. Удары по сходящимся направлениям, и в результате – «котел» в районе Кишинева. Не ко времени будет помянуто, ситуация аналогичная той, что сложилась для нас под Сталинградом.

– Правильно! Совершенно логично, Руди. Я бы тоже так поступил. И все же есть один, весьма важный момент, о котором мы, немцы, предпочитаем умалчивать. Это – возросшее оперативно-тактическое мастерство русских военачальников, нестандартность их мышления. Русские уже не те, что в сорок первом, Рудольф, далеко не те. А мы по инерции продолжаем считать их неспособными тягаться с гениальностью немецкой военной мысли. Очень опасное заблуждение.

Фриснер, возбужденно жестикулируя, бегал вдоль огромной карты, которая занимала почти всю стену кабинета.

– А если русские ударят по 6-й армии? Невозможно? Вполне возможно, Руди! Смотри, что получается в этом варианте. Для того чтобы усыпить нашу бдительность, русские могут провести отвлекающие удары по флангам. Как ты думаешь, такой вариант реален?

– Весьма вероятно... – Дитрих был несколько озадачен возбужденным состоянием генерал-оберста.

Раньше Фриснер был всегда спокоен и выдержан. Некоторые считали его тугодумом, и даже мямлей.

– На кишиневском направлении им необходимо форсировать Днестр, что сопряжено с большими потерями, – продолжал генерал-оберст. – И конечно же мы подобного поворота событий не должны ждать, следуя твоим умозаключениям (да и не только твоим), а значит, сосредоточим все внимание на флангах, скорее всего, с привлечением всех резервов. Вот тут-то русские и используют элемент внезапности! Не согласен?

– М-м... – неопределенно промычал штандартенфюрер.

Фриснер истолковал его мычание на свой лад.

– Хорошо, поспорим! – воскликнул он с горячностью. – Во-первых, форсировать Днестр для русских при их современном оснащении, хорошем артиллерийском и воздушном прикритии и определенном опыте подобных операций не является сложной проблемой. Во-вторых, взломав оборону и уничтожив наши лучшие войска в центре обороны группы армий «Южная Украина», русские, вне всяких сомнений, нанесут удар в направлении Фокшан; ну а там рукой подать до Плоешти и Бухареста.

– Да, это так. Но ведь остаются еще наши войска на флангах...

– Вот в этом и заключается гениальность замысла: разбить наиболее боеспособные соединения, вбить танковый клин в центр группы армий «Южная Украина», расчленив ее на две части, и при поддержке русского флота и морских десантов запереть нас в двух вместительных «котлах». Все!

Тяжело дыша, Фриснер подошел к столу, плеснул из хрустального графина с высоким горлом воды в фужер, выпил.

– Ну что ты на это скажешь, Рудольф? – спросил он, вытирая белоснежным носовым платком испарину со лба.

– А если все-таки русские ударят по флангам? – настаивал Дитрих. – Неужели вы вообще исключаете такую возможность?

Штандартенфюрер никогда не считал себя выдающимся армейским стратегом, но логика Фриснера была ему малопонятна.

– О нет, ни в коем случае! – воскликнул генерал-оберст. – Будем откровенны: оба варианта могут принести нам большие неприятности. Но только в том случае, если мы не сможем точно определить направление главного удара русских. Оборона на нашем участке фронта сильная, хорошо продуманная – нельзя не отдать должное моему предшественнику...

Фриснер снова пытливо взглянул на Дитриха. На этот раз с ревностью. Штандартенфюрер в душе рассмеялся – ох, уж эти большие шишки... Им всегда кажется, что подчиненные предшественника из-за большой любви и преданности к бывшему начальнику ночами не спят, все думают, как бы подсадить своего нового шефа.

Хотя... В принципе, генерал-оберст в какой-то мере был прав. Он ведь не знал, в каких отношениях состояли штандартенфюрер РСХА Дитрих и генерал-оберст Шёрнер. Былые дружеские отношения, как и все остальное, уходят в прошлое. Человек живет настоящим. А оно нередко напрочь отсекает былые привязанности, особенно в связи с карьерным ростом.

– Командование сухопутных сил и фюрер возлагают на нас большие надежды, – все еще во власти подозрений, несколько суховато сказал генерал-оберст. – Именно здесь, на южных рубежах рейха, мы должны остановить русских, измотать в боях и начать новое, победоносное наступление. Мы щит Румынии и Балкан. Вчера в беседе со мной фюрер сказал: «Я верю, что именно группа армий “Южная Украина” способна внести коренной перелом в состояние дел на Восточном фронте...» Правда, фюрер несколько по-иному, чем ты, оценил ситуацию в Румынии. Он сказал: «Маршал Антонеску искренне предан мне».

– В принципе, так оно и есть. Дело не в Антонеску... Но у меня есть вопрос.

– Слушаю.

– Если в итоге ситуация на оборонительных рубежах будет складываться не в нашу пользу, если русские прорвут фронт, что тогда? Или этот вариант исключен?

– Что известно Богу, то человеку знать не дано. Это мой ответ на вопрос. Ни в чем заранее нельзя быть уверенным. И если все-таки русские прорвут фронт, то для полного окружения группы армий «Южная Украина» им необходимо упредить отвод наших войск на новые оборонительные рубежи. А для этого нужно захватить переправы на реке Прут, что довольно сложно, можно даже сказать, невыполнимо.

– Почему?

– Дело в том, что тогда русские должны иметь темп наступления до тридцати километров в сутки, иначе у нас получается значительный выигрыш во времени. А это совершенно нереально.

– Что ж, будем надеяться... – неопределенно сказал Дитрих; выражение его лица было непроницаемым. – Жду ваших указаний, господин генерал.

– Ты опять угадал мои мысли. Твоей команде придется много поработать. Мои замыслы тебе известны, требуется только подтвердить их или опровергнуть, если они несостоятельны. Времени очень мало, Руди. Очень мало.

– Я так думаю, вам в первую очередь нужна информация о дислокации и численности русских армий.

– Да.

– И где намечается главный удар.

– Совершенно верно.

– Конечно, предварительные данные по дислокации и составу армий противника у нас имеются.

Но о них вам, надеюсь, докладывал полковник Бунтрок. А что касается направления главного удара... Тут есть вопросы. Но мы постараемся, господин командующий, решить их в ближайшее время.

– Это еще не все, Рудольф. Как у тебя обстоят дела с блокировкой русских разведгрупп?

– За последние полтора месяца не было случая проникновения русских в наш тыл.

– Отлично. Присаживайся поближе, господин штурмбаннфюрер. У меня есть соображения на сей счет. Появилась одна очень интересная идея...

Из дневниковых записей генерал-oberста Фриснера. «После того как я составил представление о положении дел на фронте, 1 августа в сопровождении своего начальника штаба я вылетел в Бухарест. На аэродром для встречи явились германский посланник фон Киллингер, глава германской военной миссии в Румынии генерал от кавалерии Гансен, командующий немецкими военно-воздушными силами в Румынии генерал Герстенберг и другие.

Я решил вначале заслушать доклад генерала Герстенберга, который одновременно отвечал за оборону стратегически важного района нефтепромыслов Плоешти. Его хорошо подготовленное сообщение производило такое впечатление, будто безопасность этого района была гарантирована. Он заявил, что в случае беспорядков будет достаточно одной немецкой зенитной батареи, чтобы подавить в Бухаресте какой угодно путч. Однако зенитные части и полицейские формирования, которые в докладе были охарактеризованы как достаточные для такой цели, подчинялись не немецкому командующему группой армий, а в конечном итоге Герингу и Гиммлеру. Этот весьма неудачный порядок подчинения может привести к самым роковым последствиям.

После доклада генерала Герстенберга, который просил меня об одном – поддержать перед Гитлером его просьбу о передаче ему эскадрильи истребителей, я имел беседу с германским посланником. Мы знали друг друга еще со времен Первой мировой войны, когда Киллингер, служивший командиром подводной лодки, проявил мужество и бесстрашие в единоборстве с врагом. Он отличный вояка, бесшабашный сорвиголова, но ни в коем случае не дипломат. Для этого ему не хватает профессиональной выучки, а может быть, и интеллекта.

На вопрос о том, можно ли полагаться на румынское правительство, Киллингер ответил буквально следующее: “Маршала Антонеску поддерживает не только правительство, но и весь народ. Но у него есть противники – лидер крестьянской партии Юлиу Маниу, заместитель премьер-министра Михай Антонеску и королева-мать”. Киллингер добавил, что у него “хорошие связи с королем и влиятельными кругами”, что якобы исключает любые попытки переворота.

Я поставил Киллингера в известность о докладе штурмбаннфюрера Дитриха. На мой вопрос, какие меры приняло германское правительство в случае правительственного кризиса в Румынии, посланник ответил: “Пока что никаких! Нет оснований опасаться какого-либо правительственного кризиса, а если когда-нибудь дело и дойдет до этого, всегда будет достаточно времени, чтобы принять меры. Наше Министерство иностранных дел немедленно пришлет сюда своих людей, которые быстро восстановят порядок”. Когда я спросил Киллингера, есть ли у него по крайней мере несколько проверенных людей из числа румын, на которых он сможет опереться, если дело примет серьезный оборот, он вытащил из бумажника исписанную карандашом бумажку, на которой было перечислено несколько фамилий.

У меня сложилось впечатление, что этой проблемой занимались весьма наивно и крайне небрежно. Это заставило меня в лояльной форме уведомить Киллингера о том, что я обязан незамедлительно доложить о своих опасениях Гитлеру и министру иностранных дел Риббентропу. Посланник, по-видимому, так и не понял причину моего волнения.

Столь же отрицательное впечатление произвел на меня последовавший за этой беседой визит главы германской военной миссии генерала от кавалерии Гансена. Мне было непонятно, почему этот военный орган в Бухаресте ничего не знает о деятельности заговорщиков. Если бы ответственные германские представители своевременно и правильно оценили положение и нашли в себе мужество защитить свою точку зрения перед Гитлером, появилась бы возможность принять решительные меры, может быть, даже военного характера.

В конце своего пребывания в Бухаресте я нанес визит румынскому военному министру Пантази, чтобы обсудить с ним некоторые административные вопросы и вопросы замены высшего командного состава. Беседа была в общем удовлетворительной. К сожалению, мне не удалось в этот день добиться аудиенции у короля и Антонеску. Мне было сказано, что их обоих нет в Бухаресте. К вечеру я уже вылетел в свой штаб.

В ходе своего визита в Бухарест я еще больше убедился в том, что политическую и военную катастрофу можно предотвратить лишь в том случае, если ответственному командующему в этом районе театра военных действий будут подчинены все немецкие военные инстанции, тыловые организации, войска и полицейские силы, то есть если он получит здесь полномочия главнокомандующего вооруженными силами.

3 августа я направил с личными письмами на имя Гитлера и Риббентропа своего офицера штаба полковника фон Трота и назначенного в группу армий офицера связи Министерства иностранных дел обер-лейтенанта Лемана. Они вылетели самолетом в ставку верховного командования...»

Глава 4

Погоня

Переплыть реку на каком-нибудь плавсредстве не представлялось возможным. Осветительные ракеты улетали в черное небо с немецкой пунктуальностью практически без длительных пауз. Оставалось уповать лишь на то, что участок реки, на который пал выбор полковника Северилова, не находится под таким пристальным присмотром немецких постов, как выше или ниже по течению.

Вся хитрость заключалась в берегу. Его нельзя было ни войскам штурмовать с ходу, потому что он был скалист и крут, ни разведчики не могли преодолеть подъем без больших затрат энергии и сил. Кроме того, никто не знал, что там творится наверху. Поэтому ни одна разведгруппа не рискнула пройти по этой неведомой дорожке, что, по мнению Северилова, давало хороший шанс Маркелову и его команде. Ведь длительное бездействие притупляет и усыпляет бдительность в войсковых частях. В особенности эта аксиома касается часовых...

Реку преодолели вплавь, раздевшись до исподнего. Свою одежду и оружие каждый из разведчиков переправлял на крохотном плотике, утыканном ветками, – для маскировки. А на головах у всех были венки, очень похожие на птичьи гнезда.

Обычно речной плес в любое время дня и ночи полнился разным мусором, особенно во время проливных дождей. Что только не плыло вниз по течению! Доски и бревна от разрушенных бомбардировками мостов, снарядные ящики, срезанные осколками ветки деревьев и кустов, куски дерна из разрушенного водными потоками берега, различная домашняя утварь...

Но больше всего было трупов. Казалось, что их извергает сама преисподняя, где уже не осталось места для жертв кровавой войны, потому что, по здравому размышлению, не могло гибнуть столько людей за день. И тем не менее, вздувшиеся от газов полуразложившиеся мертвецы все плыли, и плыли, и плыли...

Крутой берег вынырнул из темноты неожиданно. На узком каменном выступе старшего лейтенанта Маркелова уже ждали – подхватили под руки и помогли забраться наверх. Оказавшись на берегу, Маркелов невольно сказал:

– Слава тебе, Господи...

Он не был верующим, но иногда ему казалось, что его поступками движет какая-то внешняя сила. Особенно это было заметно во время серьезных испытаний, когда до смерти оставался даже не шаг, а неизмеримо меньшая величина.

Одевались быстро и без слов; сержант Кучмин с автоматом наготове охранял остальных. Вниз по течению шли около получаса, пока Пригода, который был впереди, не заметил узкую расщелину.

Первым полез ефрейтор Ласкин. Он был гибкий, будто виноградная лоза, цепкий, как белка, и юркий, словно тот зверек, от которого ему досталась фамилия, поэтому ефрейтору и выпала миссия первопроходца. За ним начал подниматься и старшина Татарчук – для страховки.

Время тянулось мучительно долго. Маркелов с тревогой поглядывал на восток, где уже появилась светло-серая полоска утренней зари. Наконец прозвучал условный сигнал, и разведчики начали по очереди втискиваться между шершавыми стенками расщелины...

Наверху обрыва дул легкий ветерок. Когда Маркелов присоединился к разведчикам, Степан Кучмин уже ловко орудовал ножницами, делая проход в проволочных заграждениях.

– Понатыкал фашист, сволочь недобитая, «колючек» аж три ряда, – зло шептал Кучмин Ласкину, который помогал ему, придерживая обрезанные концы колючей проволоки. – Да еще и запутал. Думают, что застрянем. А хрен вам с прибором... Стоп!

Кучмин замер. «Мина!» – подумал Ласкин, цепенея от страха. По натуре он был человеком совсем не робкого десятка, но мин почему-то боялся панически.

– Сигнальная проволока, – шепнул Кучмин.

Страх прошел, но от этого легче не стало. Ласкин знал, что эта проклятая «сигналка» – туго натянутая проволока с повешенными на ней пустыми консервными банками, металлическими пластинками и крохотными рыбацкими звонками – преграда почти непреодолимая.

Достаточно рукам хоть чуть-чуть дрогнуть – и ты уже кандидат в покойники. Задрезают банки-жестянки, затренькают звонки, и вслед за этим «концертом» вступят в дело пулеметы, которые свой сектор обстрела прочесывают с истинно немецким прилежанием и методичностью. И тогда от них полетят только пух и перья.

– Что будем делать, Степа? – с невольной дрожью в голосе спросил Ласкин.

– Что делать, что делать... Маму их фашистскую... Назад пути уже нет. Так что будем резать. Передай, пусть приготовятся. Режь...

Уперев локти в землю, Кучмин зажал в ладонях коварную проволоку. «Удержаться, удержаться во что-бы-то ни стало...» От страшного напряжения даже заломило в висках.

– Давай... – не шепнул, выдохнул он Ласкину.

Ножницы мягко щелкнули. Невесомая до этого проволока вдруг налилась тяжестью и потянула руки в стороны. Медленно, по миллиметру, Кучмин начал разводить их, постепенно опуская обрезанные концы вниз; у самой земли один конец перехватил Ласкин.

– Степа, наша взяла! – радостно прошептал Ласкин на ухо Кучмину.

– Хух... мать его... – ответил тот и облизал мгновенно пересохшие губы.

– Последний ряд остался, Степа...

– Погодь чуток... – молвил Кучмин, с трудом отрывая занемевшие руки от земли.

Его измазанные ржавчиной широкие мозолистые ладони были в крови, которая сочилась из-под ногтей...

Утро выдалось туманным, сырым. Где-то вдалеке шла гроза, и сильный ветер, прилетевший с рассветом, зло трепал верхушки деревьев, рассыпая по земле редкие дождевики.

Разведчики в основном бежали, лишь изредка – чтобы немного отдохнуть – переходя на шаг. Они хотели как можно быстрее оказаться в глубоком тылу противника, чтобы уменьшить до минимума возможность встречи с заградительными группами немецкой контрразведки.

Первый привал разведчики устроили в заброшенной мазанке, построенной во времена царя Гороха. Она притаилась в небольшой ложбинке и казалась тихим и безопасным приютом в неведомой земле, которая никогда не знала войны.

Дикий виноград оплел саманные стены мазанки густой сетью и через проломы в сгнившей соломенной крыше протянул свои гибкие плети внутрь. Позади рос старый заброшенный сад, заросший диким кустарником и высокой травой в пояс, а из дверей мазанки открывался великолепный вид на туманные луга и дальние горы, покрытые лесами.

– Кучмин, время, – посмотрел на часы Маркелов.

Степан быстро забросил антенну на дерево, настроил рацию и послал первое сообщение в разведуправление штаба фронта. Тем временем Пригода расположился на широкой лежанке и, постелив кусок чистой фланели, начал торопливо выкладывать на него из вещмешка съестные припасы. Он резал сало на порции с таким прилежанием, что даже высунул кончик языка от напряжения.

– Кое-кто в своей стихии... – Татарчук и здесь не удержался, чтобы не позубоскалить. – Где сало, там и наш Петро.

– А можэ ты нэ хочэш? Ну, то твое дило... – Пригода, который было протянул старшине его порцию, отдернул руку.

– Э-э, Петро! Ты что, шуток не понимаешь?

– От и жуй свои шутки...

Кучмин и Ласкин, посмеиваясь над обоими, быстро работали челюстями, заканчивая завтрак. Старший лейтенант, усердно пережевывая тугое сало, уточнял на карте маршрут, сверяясь с компасом. На душе было легко и радостно – первый и, пожалуй, самый опасный этап поиска позади, на связь вышли вовремя.

Вдруг Ласкин насторожился и выскочил из мазанки. За ним поспешил и Пригода; Маркелов, старшина и Кучмин приготовили оружие.

– Собаки, командир... – сказал Ласкин; вытянув шею, он медленно ворочал головой.

Теперь уже все услышали приглушенный расстоянием собачий лай, который приближался со стороны Днестра.

– Идут по следу. По лаю слышно... – Ласкин тяжело вздохнул и вопрошающе посмотрел на старшего лейтенанта.

– Эх, махорочки бы им подсыпать нашей, чтобы дым у этих псин пошел из ушей... – Татарчук вытащил из кармана вышитый гладью кисет с ядреным самосадом, задумчиво взвесил его в руках и сунул обратно. – Но им тут и мешка не хватит. Оравой прут...

– Уходим! – приказал Маркелов.

Спустя минуту мазанка опустела. Примятая сапогами трава постепенно выпрямлялась; где-то встревоженно прокричала сорока и тут же умолкла...

– Не могу, командир... – Татарчук со стоном опустился на землю. – Спина, будь она неладна... Осколками в сорок первом...

Старшина, серея лицом, закрыл глаза. Разведчики, потные, запыхавшиеся – бежали уже около получаса, – столпились вокруг.

– Аптечку! – Маркелов упал на колени возле старшины. – Быстрее!

Старший лейтенант намочил ватку в нашатыре и сунул под нос Татарчуку; старшина сморщился, закрутил головой и виновато взглянул на Маркелова.

– Вот незадача... – Он попытался встать, но тут же завалился обратно. – Ноги не держат. Уходите. Я их попридержу тут маленько. Все равно кому-то нужно...

– Нет! – Маркелов в отчаянии рванул ворот гимнастерки – перехватило дыхание. – Мы понесем тебя!

– Командир, уходите! Я задержу их.

– Старшина Татарчук! Здесь я командую! Внимание всем – несем по очереди. Я – первый...

Темп движения замедлился. С прежней скоростью бежали только тогда, когда Татарчука нес Пригода, но его тоже надолго не хватало. Все-таки бегать с грузом – не ходить, пусть даже по болотистой местности.

Сзади настигали. Судя по лаю ищек, их охватывали полукольцом; к счастью, деревья пока скрывали разведчиков от преследователей.

Маркелов вспомнил Северилова. Метод полковника Дитриха – круглосуточное патрулирование передовой с использованием специально обученных собак. Если разведгруппе удавалось преодолеть передовое охранение, по ее следу пускали целую свору хорошо натасканных на поиск людей собак.

Но почему тогда ищейки подают голос? Ведь полковник Северилов утверждал, что псы спецкоманды кинологов Дитриха натренированы на бесшумный поиск.

Странно...

Старший лейтенант на мгновение остановился, вытащил карту, всмотрелся. Где-то рядом, впереди, должна быть небольшая речушка... Есть! Вот она, тоненька ниточка, едва просматривается на карте. Туда!

– Быстрее, быстрее, вперед! – скомандовал он. – За мной, не отставать!

И помчался так, будто у него выросли крылья за спиной.

– Хех, хех, хех... – Ласкин дышал, как загнанный конь.

«Начальник, сука буду – помру... Пару минуток бы отдохнуть...» – подумал он. Но ничего не сказал, лишь зубами скрипнул от натуги. Его совсем недавно выписали из госпиталя, и былая выносливость у ефрейтора только начала восстанавливаться.

– Петро, давай груз! – на ходу крикнул Кучмин.

Пригода как раз нес Татарчука, и видно было, что он уже начал выдыхаться.

– Та я нэ втомывся... – буркнул Пригода.

– Давай, кому говорю! – рявкнул на него Кучмин.

К берегу речушки скатились кубарем, по мелководью побежали против течения. Маркелов с надеждой поглядывал вверх, где клубились густые тучи, – как сейчас нужен дождь. Он сбил бы с толку ищеек, унес бы с собой все запахи...

Разведчики переправились вброд на другой берег речушки. Дальше их путь лежал через луг, за которым щетинились деревьями невысокие холмы.

На лугу паслось стало коров. Пастушок, которому едва минуло двенадцать-тринадцать лет, сидя в тени под вербой, что-то тихо наигрывал на свирели. При виде бегущих солдат, он вскочил на ноги и испуганно прижался спиной к дереву. Его черные глаза стали размером как две большие сливы.

Разведчики оказались в трех шагах от мальчика. Замыкающий Ласкин, пробегая мимо, приветливо улыбнулся пастушку и подмигнул.

Его улыбка послужила катализатором мыслительного процесса в голове остолбеневшего от неожиданности подростка. Он вдруг все понял и вскричал:

– Руськи, руськи, туда!

Разведчики, как по команде, остановились и обернулись. Мальчик указывал на едва просматривающуюся в высокой траве тропинку. Маркелов все понял и просиял. Одно дело, бежать по целине, пусть даже равнине, где пропасть разных коварных ямок и холмиков, а совсем другое – по тропинке.

– Спасибо, малыш! – поблагодарил старший лейтенант. – Ходу, орлы, ходу!

Разведчики побежали по тропинке с удвоенной энергией...

Их настигли на вершине холма. Тучи так и не пролились на землю дождем, уползли за горизонт; в небе засияло солнце, которое уже начало клониться к закату. Татарчук шел, опираясь на плечо Пригоды; боль прошла, и только ноги пока плохо слушались.

– Будем драться, – сокрушенно вздохнув, решил Маркелов; силы были совсем на исходе.

Быстро рассредоточились и стали ждать. Нужно было во что бы то ни стало продержаться до темноты...

Три десятка эсэсовцев медленно ползли по склону. Рыжий гауптштурмфюрер¹⁹ снял фуражку, расстегнул мундир и часто вытирал лицо носовым платком. «С него и начну, – подумал старший лейтенант. – Хорошо бы не промахнуться... – И он нажал на спусковой крючок.

Прицельный автоматный огонь с близкого расстояния на какое-то время ошеломил преследователей. Некоторые успели спрятаться за стволы деревьев, кое-кто побежал вниз, а часть, и среди них гауптштурм-фюрер, остались лежать, сраженные наповал.

Две овчарки злобно скалили внушительные клыки и рвались с поводков, пытаясь сдвинуть с места своих мертвых хозяев; третья, оборвав поводок, бросилась на Пригodu. Она неслась к нему стремительная и беззвучная, как сама смерть.

– Жаль цуцька... – Петро прицелился. – А шо поробыш?..

¹⁹ Гауптштурмфюрер – специальное звание в СС; соответствовало капитану вермахта.

Подождав, пока овчарка приблизится на расстояние последнего прыжка, он недрогнувшей рукой всадил в нее пулю.

– Гарна собачка, – жалостливо покривился Пригода. – Та от беда – в погани руки попалась...

Некоторое время у подножья холма царило затишье. Видимо, гитлеровцы (как и надеялся Маркелов), дезорганизованные гибелью командира и удачными действиями разведчиков, пытались разобраться в обстановке. Пользуясь этим, разведчики сменили позиции.

Наконец заговорили и автоматы эсэсовцев. Плотный огонь прижал разведчиков к земле. «Обходят... – понял Маркелов, на секунду высунув голову из укрытия. – Чтоб им!..»

Эсэсовцы, которыми командовал рослый ротен-фюрер²⁰, уже забрались на холм с правой стороны и, тщательно укрываясь за деревьями, сокращали дистанцию мелкими перебежками.

«Забросают гранатами – и все дела... – с тревогой подумал старший лейтенант и дал очередь в сторону немцев. – До темноты мы здесь не продержимся. Это как пить дать. Больно хорошо обучены, сволочи. Похоже, какое-то спецподразделение. Стреляют чересчур метко...»

Словно в подтверждение слов Маркелова, пуля сорвала древесную кору как раз на уровне глаз – ровно в том месте, где только что торчала его голова.

«Ух ты! – Старший лейтенант инстинктивно отпрянул назад. – Пронесло... Уж не снайпер ли? Нет, нужно отходить...»

Разведчики, отстреливаясь и прячась за гребнем перевала, уходили к долине. Удивительно, но эсэсовцы почему-то не предпринимали активных действий, хотя вполне могли бы. Разведчики тоже не шли на обострение противостояния. Пассивность немцев была им на руку.

Они ждали темноты...

А оранжевое солнце словно приклеилось к розовому небосводу. Оно стояло на одном месте уже битый час; так по крайней мере представлялось уставшим донельзя разведчикам. Казалось, что вечер 29 июля 1944 года никогда не наступит.

29 июля 1944 года. Из сообщений Совинформбюро. «Севернее города Даугавпилс (Двинск) наши войска с боями заняли более 350 населенных пунктов, в том числе крупные населенные пункты Тилжа, Кристинки, Дзиляри, Дрицени, Виланы, Видсмуйжа, Рибены, Прейли, Дубенцы и железнодорожные станции Сакстагала, Ладзукалнс, Стружани, Тайгала, Дрицени, Куграс, Бурзава, Виланы, Пуполи, Салмене, Презма, Край, Сергунта.

К югу от города Даугавпилс (Двинск) наши войска заняли более 60 населенных пунктов, среди которых крупные населенные пункты Нидеркуни, Грива, Юдовка, Яновка, Таржеки, Турмонт, Кщава и железнодорожные станции Грива, Курцумс, Земгале, Турмантас.

К северу и югу от города Шауляй наши войска заняли более 150 населенных пунктов, в том числе город Ионишкис, крупные населенные пункты Векшняны, Гитары, Аукштельки, Покопи, Сидоры, Цитовяны, Шавкоты, Гринкишки и железнодорожные станции Ионишкис, Талиоци, Яновицишки, Дворники, Сидоры.

Войска 1-го Белорусского фронта в результате умелого обходного маневра и атаки с фронта овладели областным центром Белоруссии городом и крепостью Брест (Брест-Литовск) – оперативно важным железнодорожным узлом и мощным укрепленным районом обороны немцев на Варшавском направлении, а также с боями заняли более 60 других населенных пунктов, среди которых районный центр Брестской области город Высокое, город Тересполь, крупные населенные пункты Ключковичи, Бордзевка, Булька, Зажече, Ставы, Шумаки, Пугачево, Гершоны, Мокраны, Рокитно и железнодорожные станции Высоко-Литовск, Тересполь.

²⁰ Ротенфюрер – звание в частях СС; соответствовало младшему сержанту вермахта.

Наши войска окружили группировку противника в составе трех дивизий западнее города Брест, прижали ее к реке Западный Буг и вели бои по ее уничтожению. Северо-западнее и западнее города Люблин наши войска с боями заняли более 300 населенных пунктов, в том числе крупные населенные пункты Сточек, Лятович, Цеглув, Сенница, Колбель, Казимеж, Камень и железнодорожные станции Пилява, Жичин, Вонвольница, Неджвица.

Войска 1-го Украинского фронта, форсировав реку Сан, прорвали оборону противника и в результате обходного маневра танков, конницы и пехоты овладели крупными железнодорожными узлами и важными опорными пунктами обороны немцев – городом и крепостью Перемышль и городом Ярослав.

Западнее и юго-западнее города Станислав наши войска овладели районными центрами Станиславской области городом Перегинско, городом Солотвин, а также с боями заняли более 50 других населенных пунктов, в числе которых крупные населенные пункты Добровляны, Новица, Рувня, Красна, Пороги, Кричка, Манява и железнодорожная станция Перегинско.

На других участках фронта – без существенных изменений».

Отступление 1

Старшина Татарчук

Писарь-переводчик комендатуры города Перемышля старшина Иван Татарчук шел по набережной реки Сан в приподнятом настроении – завтра в отпуск! Чемодан уже собран, осталось сдать дела, попрощаться с друзьями – и в родные Ромны, к милой сердцу Суле, которая чем-то напоминала реку Сан: такая же тихая, плавная, чистая, разве что немного поуже.

Встречные девушки кокетливо улыбались стройному, подтянутому «пану офицеру». Знакомый Татарчука, владелец крохотной кавярни пан Выборовский, фланирующий по набережной с какой-то сильно накрашенной кокеткой, с вежливым поклоном приподнял шляпу. Он недавно овдовел и теперь искал подругу жизни, потому что в кавярне требовалась еще одна пара рук.

Старшина в ответ козырнул – чертовски хороша у этого полубуржуя дочка Марыля. Она держала осаду уже второй месяц, но Татарчук совершенно не сомневался в том, что и эта девичья «крепость» в конце концов вывесит перед ним белый флаг...

С набережной открывался вид на Засанье, которое раскинулись на противоположном берегу – там хозяйничали гитлеровцы. Татарчук нахмурился и ускорил шаг, вспомнив о бумагах, которые вчера поступили в комендатуру.

Старшине, конечно, не дали их почитать, но комендант стал суетиться больше обычного, и даже предупредил подчиненных офицеров, чтобы они были постоянно на связи, желательно дома. Чтобы это могло значить? Неосознанная тревога бередила душу старшины и не покидала на протяжении всего дня. С нею же он и спать лег.

Разбудил старшину грохот взрывов. Его буквально сбросило с кровати. «Неужто опять артиллерийские склады?!» – торопливо одеваясь, думал Татарчук.

Весной в казармах воинской части, расположенной около шоссе из Перемышля на Медыку²¹, по невыясненным причинам взорвался боезапас. Татарчук выскочил во двор комендатуры и тут же упал, отброшенный взрывной волной – снаряд разорвался в нескольких шагах. Но осколки почему-то ушли в другую сторону.

«Повезло тебе, Иван... – машинально мелькнуло в голове, когда осколки дробно застучали по стенам; и вслед за ней тут же прорезалась другая мысль – страшная, невероятная: – Неужели война?!»

К вечеру старшина Татарчук вместе с бойцами комендатуры был включен в сводный пограничный отряд, который занял оборону в районе кладбища. А ночью его и еще нескольких пограничников послали на разведку в кварталы города, занятые гитлеровцами...

Кавярня пана Выборовского на углу неширокой улочки, вымощенной брусчаткой. Прижимаясь поближе к стенам зданий, разведчики короткими перебежками проскочили сквер, небольшую площадь, и дворами добрались к черному входу в кавярню.

Татарчук постучал в массивную дубовую дверь. Тихо. И на повторный стук никто не ответил. Рядом с дверью висела цепочка от колокольчика. Но старшина знал, что пан Выборовский терпеть не может колокольного звона, поэтому цепочка служила лишь антуражем кавярни и была прикреплена к неподвижной скобе, вмурованной в стену.

А старинный колокольчик заплела паутина, до которой как-то не удосуживались добраться ни служанка Выборовских – женщина в годах, похожая на монашку, ни Марыля.

²¹ Медыка – сельская гмина (уезд) в Польше; входит как административная единица в Перемышльский повят (Подкарпатское воеводство).

Тогда Татарчук забрался на спину одному из своих товарищей и осторожно постучал в оконное стекло. В комнате блеснул свет и тут же погас; окно отворилось, и испуганный девичий голос тихо спросил:

– Кто там?

– Пани Марыля... – облегченно вздохнул Татарчук. – Это я, старшина Татарчук.

– Ой, пан Татарчук! – всплеснула руками Марыля. – Как я рада... Пшепрашем... – И побежала открывать дверь.

Пан Выборовский и Марыля, перебивая друг друга, взволнованно рассказывали разведчикам о последних событиях. Оказалось, что почти рядом с кавярней, в доме богатого коммерсанта Закревского, который в свое время сбежал на Запад, разместился штаб какой-то гитлеровской части.

Расположение этого здания было Татарчуку хорошо известно. И старшина, не мешкая, простился с Выборовскими и повел пограничников к штабу.

Часового сняли бесшумно. Оставив у входа двух солдат, Татарчук вместе с остальными вошел в дом.

На первом этаже, около лестницы, сидя на стуле возле полевого телефона, дремал немецкий ефрейтор; со второго этажа слышались возбужденные голоса и звон бокалов – видимо, господа офицеры веселились, отмечая удачное начало войны. Татарчук на носках, чтобы не шуметь, пересек небольшой холл; немец встрепенулся, вскочил, тараша испуганные глаза на советских солдат, и рухнул на пол от удара прикладом.

В гостиной на втором этаже за длинным столом, уставленным бутылками и разнообразной снедью, сидели в обнимку два офицера. При виде пограничников один из них тупо икнул и попытался встать, но не удержался на ногах и, смахнув часть бутылок со стола, свалился на пол. Второй, более трезвый, бросился к кобуре, которая висела на спинке соседнего стула. Но выхватить пистолет не успел – пограничники пустили в ход штыки...

Захватив найденные в штабе документы и карты, а также одежду обоих офицеров, Татарчук без потерь привел свою наспех сколоченную разведгруппу в расположение сводного отряда.

Поутру, переодевшись в немецкую форму, Татарчук, – на этот раз один – снова пошел в город. Нужно было разведать перед началом боевых действий расположение немецких частей и места установки огневых точек.

Сдерживая кипевшую в груди ярость, Татарчук шел по Средместью, внимательно приглядываясь к гитлеровской солдатне. На Словацкого и Мицкевича фашисты уже успели установить орудия; из окон подвалов выглядывали стволы пулеметов. Рынок возле городской ратуши наполнился пьяными криками – расположившись прямо на прилавках, гитлеровцы хлестали спиртное, орали песни.

Татарчук вышел к площади На Бrame и, незаметно осмотревшись, нырнул в подворотню старинного дома. Двор этого дома примыкал к ресторану, переполненному офицерами вермахта.

Оркестранты, отчаянно фальшивя, исполняли танго «Айн таг фюр ди либе». Какой-то офицер пытался забраться на стол, и его с руганью удерживали такие же пьяные, как он, собутельники. До смерти перепуганные официанты сновали между столов с полными бутылками и тарелками с закуской, по возможности стараясь быть как можно незаметней.

Старшина уже миновал ресторан, направляясь в сторону парка, как вдруг его окликнул немецкий патруль. Положение было безвыходным – никаких документов Татарчук не имел. Пьяно улыбаясь и пошатываясь, он подошел поближе и, вскинув автомат, срезал троих фельджандармов²² в упор.

²² Фельджандармерия – военно-полевая полиция германских войск; следовала непосредственно за действующей армией,

Теперь таиться уже не было смысла: зашвырнув две гранаты в распахнутые окна ресторана, Татарчук изо всех сил припустил к парку. Неожиданная стрельба и взрывы гранат всполошили гитлеровцев; за старшиной началась настоящая охота.

Отстреливаясь, Татарчук проскочил несколько улочек и переулков. Вдруг он почувствовал резкий удар в спину и, теряя сознание, упал – неподалеку взорвалась граната, брошенная из окна дома.

И в это время начался налет советской артиллерии...

Когда Татарчук открыл глаза, Засанье заволокло черным дымом – горели нефтехранилища. Снаряды взрывались и в Средместье, и на склонах замковой горы, и в парке.

Старшина поднялся и, придерживаясь за стену дома, ступил шаг, другой, третий... В голове шумело, боль в спине была нестерпимой, ноги подкашивались. Споткнувшись, Татарчук упал, больно ударившись затылком, и снова потерял сознание.

Очнулся он от запаха хлороформа. Его куда-то несли – Татарчук лежал на боку и видел окрашенные в светло-серый цвет панели и распахнутые двери комнат, в которых стояли койки.

«Госпиталь...» – понял старшина и, успокоенный, закрыл глаза.

В одной из таких комнат-палат его бережно уложили на постель, укрыли одеялом. Татарчук осмотрелся, пытаясь сообразить, где он и что с ним. Умело перебинтованная грудь и тупая боль в спине напомнили старшине о последних событиях.

«Жив...», – подумал он с облегчением и крепко уснул.

Проснулся Татарчук под вечер. В палате стояла еще одна койка, на которой лежал тяжело раненный с забинтованной головой. Где-то вдалеке гремела канонада, дребезжали оконные стекла. Татарчук попытался приподняться, но тут же, застонав, опустился на постель.

– Господин обер-лейтенант, вам плохо? – раздался чей-то мужской участливый голос.

Говорили по-немецки! Татарчука мгновенно прошиб холодный пот, мысли приобрели необходимую ясность, и старшина вдруг сообразил, что его подобрали, приняв за раненого при артналете гитлеровского офицера. И он в немецком госпитале! И его, судя по всему, оперировали немцы!

– Господин обер-лейтенант! Вы меня слышите? Вас что-то беспокоит?

– Найд... – хрипло выдавил из себя Татарчук, не открывая глаз – боялся, что они его выдадут.

Санитар, поправив одеяло, ушел. Татарчук лежал недвижимо, чувствуя, как гулко колотится сердце, готовое выпрыгнуть из-под повязок. Сосед по палате, изредка ворочаясь, тихо постанывал.

Ужинать Татарчук не стал. Он лежал, не открывая глаз и не отвечая на зов санитара. Ему сделали два укола и оставили в покое.

Старшина достаточно хорошо знал немецкий язык, чтобы общаться с захваченными при переходе границы шпионами и диверсантами вермахта. Но он очень сомневался, что его произношение не вызовет подозрение у истинных арийцев.

Впрочем, и этот момент можно было обойти, будь в кармане трофейного кителя офицерская книжка вермахта. Благодаря перебежчикам с немецкой стороны и пойманым шпионам Татарчук знал, что части германской армии укомплектованы не только немцами. Под флагом фашистской Германии на Советский Союз надвигалась разномастная и разнокалиберная саранча: итальянцы, испанцы, чехи, финны, румыны, венгры, болгары («Братушки, мать их!...») – со злостью подумал о последних старшина).

создавала временные городские магистратуры или брала на себя их функции, вылавливала террористов и дезертиров как собственных, так и вражеских, собирала беженцев и военнопленных, охраняла военные трофеи и обеспечивала сдачу оружия, имевшегося у гражданского населения.

Так что вполне можно было сойти за чеха с немецкими корнями или, на худой конец, за фольксдойче²³, коих немало убыло в фатерлянд из прибалтийских стран после присоединения их к СССР.

Ночью, когда движение в коридоре прекратилось, Татарчук, кусая губы от боли, надел брюки, потихоньку обулся – обмундирование лежало рядом, на стуле, но оружия не было. Немного пришлось повозиться с мундиром – когда старшина застегивал пуговицы, руки дрожали, пальцы были непослушными.

Одеваясь, он мысленно поблагодарил судьбу и свои привычки. Имея тайную склонность к фатовству, которой стыдился и тщательно скрывал от товарищей, старшина, готовясь в отпуск, купил по случаю на барахолке немецкое шелковое белье, и перед предстоящим отъездом впервые натянул его на себя. Это, видимо, и спасло его от разоблачения – отсутствию документов в горячке боя никто не придавал значения. Такие вещи на войне случаются сплошь и рядом.

Но рано или поздно раненым офицером без документов должна была заинтересоваться контрразведка. Этого нельзя было допустить, и Татарчук решил уходить немедленно, хотя и чувствовал себя отвратительно.

Старшина подошел к окну и, стараясь не шуметь, потянул на себя раму; она поддавалась легко. Выглянул наружу и порадовался – палата находилась на первом этаже. Дернулся обратно, остановился возле койки соседа, судя по мундиру, капитана, прислушался. Тот спал, тяжело дыша.

Татарчук взял с тумбочки увесистую металлическую пепельницу, крепко сжал ее в руках, примерился... – и поставил обратно. Убить безоружного, раненого человека, пусть даже врага, старшина не смог.

Перевалившись через подоконник, Татарчук упал на землю и едва не закричал от боли, которая на миг помутила сознание. С силой прикусив зубами кисть руки, чтобы не выдать себя часовым, охранявшим госпиталь, ни единым звуком, он некоторое время лежал неподвижно, собираясь с силами и стараясь забыть о боли. Затем с трудом поднялся на ватные ноги и, осмотревшись, медленно побрел через скверик к невысокому забору...

Дальнейшие события старшина помнил смутно. Несколько раз он терял сознание, иногда даже полз; по спине бежали теплые струйки – видимо, разошлись швы на ране.

На улице Боролевского (гитлеровцы переправили раненого Татарчука в госпиталь, который находился в Засанье), в одной из подворотен, Татарчук надолго потерял сознание и очнулся уже утром от ожесточенной перестрелки. Четверо советских солдат, – судя по форме, пограничников – успешно отстреливаясь от немногочисленных фельджандармов, уходили к берегу Сана.

– Товарищи! Това... – Татарчук полз из подворотни наперерез пограничникам.

Один из них, заметив старшину, привычно вскинул трофейный автомат, но другой придержал его за руку:

– Постой, Никита! Он разговаривает по-русски.

– Ну и хрен с ним! – зло огрызнулся Никита. – Мало ли что он там трандит. Ты что не видишь – он в немецком мундире. Фриц, точно тебе говорю. Притворяется, сука. Счас я его...

– То-ва-ри-щи... Я свой... – Язык старшины ворочался с трудом.

Татарчук попытался подняться на ноги, но тут же со стоном уткнулся лицом в брусчатку.

– Э, да это старшина Татарчук! – радостно закричал пограничник в изодранной гимнастерке.

Он служил в комендантском взводе и хорошо знал старшину...

²³ Фольксдойче – обозначение людей, родным языком которых был немецкий и которые жили вне Германии (в отличие от «райхсдойче» – «немцев из рейха»). Понятие возникло после Первой мировой войны, когда в результате изменений границ многие немцы оказались за рубежом, и оставалось в активном употреблении до 1940–1960 гг. XX в.

В тот же день Ивана Татарчука эвакуировали в тыл. Примерно через неделю ему пришлось взять в руки оружие – советские войска отступали, и тыл стал передовой. Ранение было неопасным, но долечиться старшина так и не успел.

Глава 5

Румыны

Капрал Георге Виеру, невысокий худощавый парень двадцати трех лет, читал письмо из дому:

«...А еще сообщаю, что Мэриука уехала в Бухарест. Она вышла замуж за сына господина Догару. Ты должен помнить этого типа; он что-то себе сделал и стал прихрамывать на левую ногу, поэтому в армию его не взяли. Мэриука приходила перед отъездом попрощаться. Вспомнили тебя, поплакали. У них в семье большое несчастье, мы тебе уже писали, – на фронте погиб отец. А неделю назад младший брат Петре попал под немецкий грузовик, и теперь у него отнялись ноги. На этом писать заканчиваю, береги себя, Георге, когда стреляют, из окопа не высывайся. Я молюсь за тебя каждый день, и мама тоже. Все мы целуем тебя. Твоя сестра Аглая. Тебе привет от Джэорджикэ и Летиции».

– Что раскис, Георге?

– А, это ты, Берческу...

Виеру подвинулся, освобождая место для товарища. Берческу закурил, мельком взглянул на письмо, которое Виеру все еще держал развернутым, и спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.